

Гай Юлий Орловский

Ощ@рщ

de Амальфи

Доблестный сэр Ричард, паладин Господа, а теперь и хозяин таинственного замка, в окружении враждебных соседей: свирепого барона де Амальфи, волшебницы Клаудии, к тому же на его землях обнаружены "свернутое королевство", а через две недели его ждет рыцарский турнир и... рыцарский суд!

Ричард Длинные Руки

Гай Орловский
Ричард де Амальфи

«ЭКСМО»

2004

Орловский Г. Ю.

Ричард де Амальфи / Г. Ю. Орловский — «Эксмо»,
2004 — (Ричард Длинные Руки)

ISBN 5-699-06503-2

Доблестный сэръ Ричард, паладин Господа, а теперь и хозяин таинственного замка, в окружении враждебных соседей: свирепого барона де Амило, волшебницы Клаудии, к тому же на его землях обнаружены «свернутые королевства», а через две недели его ждет рыцарский турнир и... рыцарский суд!

ISBN 5-699-06503-2

© Орловский Г. Ю., 2004

© Эксмо, 2004

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	44
Глава 8	51
Глава 9	57
Глава 10	64
Глава 11	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Гай Юлий Орловский Ричард де Амальфи

Создателям Stronghold'a – с благодарностью!

Баллады о Ричарде Длинные Руки

Ричард де Амальфи

Часть 1

Глава 1

Сквозь сон донеслись далекие грубые голоса, конское ржание. Я поднял веки, минуту смотрел на стену из крупных каменных глыб. Из узкого окна ворвался золотой луч, на полу на шкурах неведомого зверя высветился скошенный квадрат, весело скачут колючие искорки.

Голоса и ржание слышны снизу, я вскочил и, на ходу протирая глаза, добрался до окна. Камень под моим животом теплый и надежный, как кора гигантского дерева, внизу во дворе после короткого ночного дождика унесло грязь с вымощенного булыжником пространства, камни блестят, как панцири черепах, а вода бежит в канавке под стеной, иногда выплескиваясь в неглубокие лужи. Дети пускают щепочки, над влажной землей под жаркими лучами дрожит воздух, утреннее солнце пронизывает чуть ли не насквозь.

Я оглянулся на разложенные на широкой лавке доспехи: пора к народу, что выбрать? Кожаные сразу пропитываются потом, от них пахнет, как от стада взмысленных коней, сохнут долго, однако и железо на голое тело не наденешь: придется сперва вязаную рубашку, она же поглотит и пот, но это в разгар лета нести на плечах наковальню...

Снизу со двора уже не просто голоса, а вопли. В дальнем углу семь человек упражняются в стрельбе из лука, мой чернящий конь с рогом посреди лба бродит между ними, помахивает хвостом, за ним крадутся, страшась приблизиться, полные ужаса конюхи.

– Что случилось? – крикнул я сверху.

Задрали головы, разом сдернули шапки, поклонились, один прокричал:

– Ваша милость, мы уже и не знаем, как его остойлить!.. Это ж один из тех коней... что и не кони вовсе... Съел овес, а потом и сами ясли! Железный запор понравился – съел, а еще ходил и высматривал гвозди. В кузнице две подковы схрумал, как бублики. Хорошо, кузнец увидел, отогнал заклятием.

Я прокричал в ответ:

– Знающий у нас кузнец! Вот и спросите, каким заклятием можно такого коня... э-э... остойлить.

Конь поднял красивую мускулистую шею, багровые глаза разгорелись ярче, стали алыми. Мне почудилось, что это пламя гнева, но конь приветливо заржал, махнул хвостом и даже пряднул ушами.

– И я тебя люблю, – ответил я искренне. – Ты у меня чудесный. Скоро приду.

Вздыхнул, облачился в металл, при таком коне надо выглядеть рыцарем, даже если не считаю себя им, – положение феодала обязывает.

Уже позднее утро, солнце над замком, но холодом тянет от стен, пола, из неведомых щелей. Сквозняки просто пронизывающие, а там за дверью вообще рвет и мечет, как Тузик тряпку, заблудившийся ветер. Гунтер и даже Зигфрид жалуются на ноющие суставы, я пока держусь, провитаминовый на две жизни вперед, но все равно с тоской думаю про окна со стеклопакетами или хотя бы о масляном калорифере.

Несмотря на утро, в массивных медных державках полыхают факелы. Я только на третий день заметил, что их не меняют, а в светильники никто не подливает масла. Гунтер объяснил как само собой разумеющееся, что таково желание предыдущего владельца замка, чтоб горели сами, я кивнул с умным видом, если так, то, конечно, какие вопросы, желание хозяина – закон для подчиненных, даже если в числе подчиненных – замок. Жаль, что хозяин не подумал о сквозняках, ах да, он же последние годы вообще не покидал своих покоев, а там не дует...

Мой личный кабинет, он, как и спальня, входит в понятие «мои покои», выходит на другую сторону двора, сюда с утра солнечные лучи не достигают, сейчас здесь ровный красноватый свет факелов, не слишком яркий, скорее – тусклый, но я уже привык, что при каждом моем движении черная тень колыхается, двигается по стене, а в углах переламывается и хищно перепрыгивает со стены на стену изломанная, вытянутая и плоская.

Громыхая железом, я миновал кабинет и подошел к двери, как вдруг жуткая тень истончилась и пропала. Комнату залил чистый радостный свет, который не могут дать ни свечи, ни светильники, ни электрические лампочки. Разве что электрическая дуга... нет, и у той свет недостаточно чист, а этот просто незамутненный свет Первого дня...

Из стены вышла плазменная фигура. Широкие плечи, мощная грудь, квадратное лицо с тяжелой челюстью человека властного и вспыльчивого, массивные надбровные дуги, одну вроде бы рассекает шрам, но не рассмотреть в ярком переливающимся свете.

Я ахнул:

– Тертуллиан?.. Но в эти земли ты не мог! Или брехал?

– Теперь могу, – ответил плазменный человек могучим голосом, то ли полководца, то ли проповедника, привыкшего подчинять массы.

– Это из-за меня?

– Не стыдись, – пророкотал он утешающе.

– Да я вроде не стыжусь...

– Стыдишься, – уличил он. – Думаешь, не видно? Ну побей посуду, обругай слуг, ударь ребенка. Не понимаю, из какого ты мира, где стыдятся хорошего?

– Да вот из такого, – пробормотал я злой, что меня, такого сложного и загадочного – я же целый мир! – раскусили так запросто. – Вино будешь?

Он сделал вид, что не услышал глупой шутки, вообще-то я могу и лучше, но уж очень растерялся, а дураком выглядеть никому не хочется. Хуже, чем дураком, выглядеть разве что умным.

Комната разом потеряла запахи пота, горелой смолы, масла, из всех щелей исчезли тени. Тертуллиан светит, как солнце, только не слепя глаза и не заставляя щуриться.

– Ты вклинился в земли Врага, – произнес он серьезно.

Я зябко повел плечами.

– А что, Одноглазый, Клаудия, Вервольф, Кабан, Тудор и даже Крыса – слуги дьявола?

Он слабо усмехнулся.

– Не в том смысле, как понимает простой народ. Им кажется, что дьявол, сидя на черном коне, указывает дланью, а слуги носят, выполняя его приказы. Все гораздо хуже именно тем, что незримо... Здесь, на этих землях, как бы ничья власть! Здесь нет ни бога, ни дьявола. А слово «слуги», кстати, в землях дьявола давно заменено на «служащие».

Я сказал осторожно:

– Извини, но по мне самое лучшее – ничья земля и ничья власть. Сильному человеку не нужны костыли. Ты же знаешь, я не из этого мира. Потому не суди строго.

Он отмахнулся, за рукой протянулась сверкающая полоса, словно рука на целую секунду превратилась в блистающий веер.

– Я же один из отцов Церкви! Создавшие Церковь могут ли быть слепо верующими? Даже просто верующими?.. Нет-нет, не отвечай, опасный вопрос, не надо вслух. Просто подумай и ответь для себя. Но не суди со всей решительностью, столь свойственной твоему юному возрасту. Пока не говори ни да, ни нет. Прими как аксиому, что свято место пусто не бывает. Вот не бывает – и все! Как не может плодородная земля не покрыться травой, а в траве обязательно появятся жучки, паучки, бабочки, стрекозы... Уже тем, что здесь нет храмов, здешние люди открыли сердца дьяволу. Ведь для него вовсе не требуется своих жертвенников или языческих храмов!.. Достаточно и того, что нет церквей!

Я спросил тупенько:

– А как же черные мессы? Вальпургиевы ночи? Прости, ты в самом деле не хочешь хотя бы присесть? А то как-то неловко... Стоим друг против друга, как на диспуте.

Он покачал головой:

– Я не могу сотворить накрытый стол, даже чашу с вином не могу, нам не доступно то, что делают даже слабые маги. А посылать слугу...

– Да, – согласился я, – не хотелось бы, чтобы тебя увидели...

– И чтоб о тебе подумали лучше, – добавил он с иронией. – Так вот, о простом народе и вальпургиевых ночах... Слабые люди стараются угодить господину, только не знают, как. Словом, Дик, я еще не освоился, что ты уже стал рыцарем, потом паладином, а теперь так и вовсе де Амальфи.

– Де Амальфи?.. – переспросил я тупенько. – Я?

Он отмахнулся.

– Так вот я о чем: Церковь, как и дьявол, дает тебе свободу выбора. Будешь служить Церкви – получишь поддержку Церкви. Будешь служить дьяволу – тебя поддержит дьявол.

Я невольно выпрямился, повел плечами, доспехи слегка звякнули.

– Пусть собачки служат, – сообщил я. – А человек – звучит гордо, даже если это тварь дрожащая. И вообще тростник... Ты присядь, пожалуйста, если пить не хочешь!.. А то мне неловко, я уж так воспитан.

Он опустился в свободное кресло, чтобы мог сесть и я, вот такой я вежливый, но он, как старый римлянин, правила этикета знает, оценил, в огненных глазах одобрение, что я выждал, пока опустит задницу он, а потом лишь нащупываю ягодицами сиденье сам.

– Я не надолго, – сообщил он. – Захотелось проверить, в самом ли деле эти места открылись... и для меня.

– Ну и как?

Он задумался, кивнул:

– В какой-то мере. Ты позволил уцелевшему священнику восстановить церковь и начать службы. Влияние дьявола слегка ослаблено... во всяком случае – в церкви. И это позволило мне, хоть и с усилием, но продрагаться через Мертвые Поля, Красные Реки и Черный Пояс Безысходности. Словом, в запретные для меня области.

– Но мы не в церкви!

Со стороны окна донеслись крики, звон металла, громко заржал конь. Тертуллиан посмотрел в ту сторону.

– Нравится тебе или нет, но церковь – во дворе замка. Правда, это ни к чему не обязывает.

– Еще бы, – сказал я саркастически. – Меня вообще ничего не обязывает, уж извини. Я сам из всех существующих моделей... а их до черта, хорошо – до ангелов, выбираю те, которые меня устраивают. Только им и следую... Ладно, Тертуллиан, раз уж ты появился, нельзя ли к тебе с просьбой?

Он ухмыльнулся:

– Можно. Как ты говорил, услуга за услугу.

Я проговорил с некоторой неловкостью:

– Понимаю, ты человек святой, тебя со всех сторон донимают просьбами...

Тертуллиан кивнул:

– Ну-ну, говори. Для такого гордеца обратиться с просьбой, что живую жабу съесть.

– Тертуллиан, я все думаю, как бы сюда те волшебные мечи, что достались мне так по-дурному...

– По-дурному?

– Легко, – поправился я. – Слишком легко.

Он нахмурился, белые светящиеся брови на миг скрыли огненные глаза, покачал огромной головой.

– Пора уже знать, что если что-то достается легко...

– Знаю, – прервал я, – бесплатный сыр только в мышеловке, халявы не бывает, и все такое. Но я взял эти мечи! Теперь, даже если откажусь, расплачиваться все равно? Ну вот... Их бы сюда, в мой замок. Видишь, я уже называю его своим.

Он взглянул мне в глаза, в глазницах свет немыслимой чистоты, я ощутил себя нечистым, отвел взор.

– Ах, Ричард, – проговорил он медленно, с печалью. – Ну не дано мне выполнять такие вот просьбы! Не могу съездить в Зорр, взять там твои мечи и привезти сюда!

– А шепнуть кому-нибудь? – сказал я дрогнувшим голосом. – Например, Сигизмунду? Хоть он и свободен от вассалитета, но по старой дружбе... Или Асмеру, Бернарду, даже Ланселоту. Мол, ваш приятель снова попал в переделку, просит доставить по такому-то адресу, в такую-то крепость, где примет без всякой описи.

Тертуллиан усмехнулся, я смотрел в его огненные глаза, не щурясь, кажется, начиная без всяких формул понимать природу вещей и строение материи.

– Ричард, – ответил он сильным слегка рокочущим голосом, – Ричард... ты не понимаешь. Пока ты один вот такой, что можешь общаться! Ну, не падаешь на колени, не захлебываешься благодарственными молитвами... не бьешься в экстазе... А бывают и такие, что считают мое появление происками дьявола, начинают брызгать святой водой, приводят священников, устраивают крестные ходы... А самое главное, никто не слушает ни одного моего слова!.. Неважно, что говорю, одни бухаются на колени и начинают благодарить Творца за явленную им милость, да как многословно и одинаково!.. другие пытаются изгнать с такой же страстью... А с тобой можно просто говорить. Ты меня понимаешь, хотя это очень странно.

Я спросил с неловкостью:

– Странно, что понимает неверующий?

Он отмахнулся.

– Я сам неверующий, уже говорил. Вообще, любая религия делается неверующими. Запомни, Ричард, основа всех великих религий мира – безбожие. И саму Церковь строили умные и абсолютно неверующие люди. Думаешь, верующие смогли бы построить?.. Ха!.. Я знаком со всеми отцами Церкви, они все, представь себе, неверующие, однако признают необходимость веры не только для народов, но и для каждого отдельного человека. Вера нужна Ричард нужна.

Я покачал головой:

– Но не мне.

Он грустно улыбнулся:

– Даже тебе.

– Не думаю.

– Это сейчас, – сказал он серьезно. – Когда-то это тебе понадобится.

– Никогда, – отрезал я твердо.

– Никогда не женюсь, сказал трехлетний ребенок.

Я ощутил угрызения совести, слишком уж по-бараньи уперся, надо то же самое, но другими словами, повежливее, сказал уже мягче:

– У нас говорят: зарекалась свинья говно кушать... ладно, поживем – увидим. Лично я уверен, что есть установки, которые с возрастом не меняются.

Он поднялся, свет стал ярче. От всей огромной фигуры шло дружеское тепло.

– Еще появлюсь, – пообещал он.

– Только не распугивай мои привидения, – попросил я. – И моих домовых с троллями!

Он с укоризной покачал головой:

– Эх, Ричард... Когда повзрослеешь и начнешь обходиться без них?

Он исчез, в комнате сразу стало темно, только на всех стенах тускло зажелтели пятна масляных светильников.

Мои покои на втором этаже. И когда, громыхая железом, переступил порог в коридор, снизу донесся могучий рев двух десятков крепких мужских глоток. В нижнем зале пир по случаю прибытия герольда короля Барбароссы. Король устраивает турнир по случаю бракосочетания, герольд развозит приглашения. Привез и мне, а я сдуру ответил, что, дескать, а как же, без меня какой турнир.

До турнира месяц, на дорогу вычтем неделю, три в запасе. Ну ладно, пусть даже две на дорогу, в любом случае седлать коней рано. Вообще-то герольд – не велика птица, в его честь разве что бросят чистую тряпку в людской, чтобы выпался перед дорогой, но я еще не установил твердых правил, народ вольничает. Я для них не совсем хозяин, а пока только рыцарь, захвативший замок и принявший их на службу. И хотя присягу уже принесли, должны привыкнуть, что новый хозяин – я.

Правда, к этому должен привыкнуть еще и я сам.

Стражник в коридоре вскочил, стукнул тупым концом копья в пол:

– На страже, ваша милость!

– Вольно, – пробормотал я.

Пройдя мимо, услышал жестяной лязг за спиной, это страж тут же сел на ящик и приготовился дремать. Я иду медленно и даже как бы величаво, так пусть и понимают, на самом деле бдю, не заблудиться бы в собственном замке, еще не совсем орел в ходах странного назначения: кажется, прорыли пьяные муравьи, они же выстроили воздушные мостики с одной башни на другую, возвели галереи, проложили длиннющие коридоры, переходы, ходы вверх, ходы вниз, я пока что ориентируюсь только в самом донжоне, а все эти правые и левые крылья, сторожевые башни, под которыми столько многоэтажных подвалов, проходов, разных помещений...

Вот так в лесу смотришь на коричневую горку муравейника, думаешь, что это он весь, на самом деле только шапка, даже не шапка, а кончик шапки, муравейник же глубоко под землей, что и понятно: зимой там не промерзает, летом никакой лось не разворотит.

С лестницы посмотрел на нижний зал, украшенный стягами, гобеленами и, главное, огромным щитом с моей эмблемой. Народ пирует: одни празднуют освобождение из темниц, другие – повышение, третьи просто рады пожрать и выпить. Ладно, мешать не буду, прошел дальше, стараясь не громыхать, спустился по боковой лестнице, минуя пирующих и вышел во двор.

Один из слуг суетливо подбежал и с услужливостью преклонил колено. Я постарался удержать лицо от улыбки, а голову от благодарственного кивка. Я – сеньор, феодал, должен принимать эти знаки внимания, как должное. И смотреть всегда либо поверх голов, не замечая эту шушеру, либо испепелять гневным взором.

Во дворе пахло теплым летним воздухом, пропитанным ароматом свежее испеченного хлеба, горящим железом, запахами конских каштанов, выделяемых кож, донесся стук молотов по металлу, конское ржание, сердитые вскрики конюхов, – привычный мир звуков и запахов жизни средневекового замка.

Мои подкованные сапоги с молодецким щелканьем расцеловали вымытую дождем брусчатку, ярчайшее, словно в космосе солнце ударило лучами в булыжники и рикошетом поразило глаза, я охнул и закрылся ладонью. С легким пощелкиванием трепещет прапорец на воротах, слышен звонкий цокот подков, но моего коня не видать. Наверное, заманили в конюшню. Посреди двора гвардия: Гунтер, Ульман, Тюрингем, Хрурт и Рассело, а также Зигфрид – единственный рыцарь, если не считать произведенного мною в это звание Гунтера.

Гунтер на шаг впереди – с красным обожженным солнцем и морозами лицом, усы не просто в разные стороны, но и кончиками вверх, а так по-прежнему суровый, с топором в руках, на плечах плащ зеленого цвета, поверх кольчуги на груди накидка из грубого полотна с красным крестом на всю грудь.

На шаг позади – гигант Ульман, весь в красном, потому крест на груди вышит белым, и на щите тоже белым, железный шлем с широкими полями, как шляпа, на плече держит алебарду. Совсем недавно все они, исключая Зигфрида, были в простых кожаных доспехах, но после разгрома гадов, пытавшихся захватить замок, нам достались великолепные брони. Ульман, как и все, выпячивает грудь, смотрит с обожанием: оружие и доспехи – это же лучшие игрушки для взрослых детей.

Тюрингем в коническом шлеме с намертво приклепанной полоской стали, что защищает нос. Лицо составлено из отдельных кусков, соединенных грубо, неумело и небрежно, я часто засматриваюсь, что-то в нем странное, словно лицо Франкенштейна, да и речи бывают странные, как и манеры, но в то же время в отряде считается самым искусным копейщиком. Он сейчас с копьем в руке стоит в небрежной позе, поставил ногу на камень, щит на колене, опирается на него локтем. Он весь в сером, потому крест, как у Ульмана нашит белый, только у того со слегка расщепленными кончиками, а у Тюрингема концы креста как будто расплюснуты тяжелым молотом.

Хрурт в полных рыцарских доспехах, даже шлем самый закрытый: цилиндрическое ведро с узкой щелью для глаз, а ниже дырочки для дыхания, никаких вычурных прикамбасов вроде поднимающегося забрала. Доспехи тоже самые прочные, но при его чудовищной силе ему не в тягость, носит с радостью, снимает неохотно, вот так с виду его не отличишь от настоящего рыцаря, чем сильно гордится. Он единственный, кто в плаще прямо поверх стальных доспехов, никаких накидок или кольчуг.

Рассело с тонким длинным мечом в руке, он в кольчуге из мелких колец, поверх белая накидка с черным стилизованным крестом, это даже не крест, а меч острием вниз с крестообразной рукоятью. Шлем на нем походит на каску солдат Второй мировой войны, никаких лишних выступов, забрал, украшений, а кольчуга из таких мелких стальных колец, что я усомнился в ее прочности. В то же время это прекрасный воин, берет он больше скоростью и ловкостью, чем силой, на что делает ставку Ульман.

И последний – Зигфрид. Этот чуточку в сторонке, всякий раз подчеркивая, что он – настоящий рыцарь, хоть и однощитовый, то есть не владеет ни замком, ни землями, а все, что у него есть: конь и меч, да еще простенькие доспехи, которые теперь сменил на лучшие из трофейных. Но все-таки – рыцарь, потомственный, все его предки были рыцарями, все защищали или захватывали земли и все гибли в боях, никто не умер в постели.

Глава 2

Я издали улыбался им всем, а Зигфриду еще и подмигнул дружески, надо показать, что, как рыцарь рыцаря, выделяю из числа простого народа. Широкомордый и широкоскулый, он расплылся в улыбке. Хотя по генеалогии из рода Нибелунгов, младший сын владетельного сеньора Кунинга, но в лице не следа арийскости, разве что рост и могучее сложение, сразу вспоминается, что в те времена по его землям проходили орды Аттилы, а германцы были у Бича Божьего основной ударной силой.

Широкий в плечах и выпуклогрудый, толстошей, с мускулистыми руками, толстыми, как бревна, теперь он встречает меня в новеньких доспехах, великодушно отдав старые кузнецу для перековки на подковы и гвозди. Верхняя половинка лба все так же нежно белеет, как украинское сало, остальная морда лица цветом напоминает поспевший желудь, словно и спит в солонях.

При моем приближении все вытянулись, стукнули мечами и топорами по щитам.

– Ну что, орлы, – сказал я вместо приветствия, – осваиваемся?

Гунтер ответил за всех:

– Спасибо, ваша милость, за доспехи!

– На здоровье, – ответил я. – Рад, что вам понравились.

Гунтер заулыбался, мол, понимаем шутки сеньора.

– Все наши люди, – сказал он счастливо, – уже в новом железе!.. Кузнецы день и ночь подгоняют, переделывают. Из всех наших... то есть ваших деревень кузнецов нагнали, железо у этих гадов такое, что не всякий молот берет!

– Зато и чужой меч не возьмет, – рассудил я мудро. – Что с луками?

– Еще двенадцать собрали, – сообщил Гунтер с гордостью, – ну, скажу вам, это луки! Всем лукам луки. Мы все по очереди пробовали: стальную пластину бьет навывлет со ста шагов!

– Отлично, – сказал я с облегчением, но, как отец-командир, строго напомнил: – Но это заслуга лука, а не ваша. А как насчет точности и скорострельности? То-то!.. Давайте, шустрите. Предела совершенству нет. Тяжко в доспехах, легко... гм... потом, опосля. Пусть осваиваются и остальные прочие. Кстати, Гунтер, пора объехать наши владения. В прошлый раз я окинул вельможным взором село, а сейчас надо посмотреть кордоны... Ну, где мои земли соприкасаются с землями соседей.

Все никак не приучу себя говорить «мои владения», но для них и «наши» звучит естественно, высокопоставленные о себе говорят во множественном лице, мы-де, Николай Второй, милостиво порешили изволить отрубить вам голову, а вот вас повесить...

Тюрингем, оруженосец Гунтера, спросил ликующе:

– Когда поедет? Прямо щас?

– Попозже, – ответил я. – Может, после обеда. Или после завтрака.

Сказал и с трудом одолел естественный импульс идти в конюшню и седлать своего чудного коня.

– Проверь, – бросил Тюрингему небрежно, – чтобы все кони были... как кони. Ну там с подковами в порядке, старую сбрую заменить новой, коней заправить... в смысле, накормить...

Он сорвался с места, словно спринтер на стометровке. Я проводил его взглядом, еще раз напомнив себе, что надо не просто привыкать к новому положению сеньора, а врасти, как в собственную кожу. В этом мире, во всяком случае в землях Амальфи, я отдаю приказы, и всяк бросается их исполнять, словно в армии. Здесь неважно, что я молод, что нет опыта жизни в этих условиях. Зато у меня звание, то есть, статус феодала, а это значит, что всякий, ниже по званию или чину, слушается беспрекословно и мчится выполнять все, что бы я ни ляпнул.

С одной стороны приятно, что не надо спорить и убеждать, с другой стороны, я должен отдавать только мудрые приказы – поправлять некому.

Тюрингем исчез в распахнутых воротах конюшни. Гунтер поглядел вслед, на лице тревожное раздумье.

– Ваш конь, ваша милость...

– Точно, – согласился я. – Конь.

– Чем больше смотрю на него, ваша милость...

Он умолк, не находя слов, я спросил настороженно:

– Что с ним?

– Да вот иногда просто шерсть дыбом!

Зигфрид хмыкнул:

– На спине. Он у нас, как медведь. Сэр Ричард, мы все смотрим на вашего коня с завистью.

Вдалеке через двор идет толстенький человек в сутане, мне показалось, что кто-то новый, но когда по дуге обошел лужу, приподнимая, как девица подол, сутану, я разглядел лицо отца Ульфиллы, священника, которого я не звал, но миссионеры приходят незваными. Еще чуть укрепитесь, и начнет собирать народ на истребление исчадия дьявола. Исчадие дьявола, как он уже сообщил, – это я.

– Да, – ответил я нехотя, – послушный конь. Что еще воину нужно?

Гунтер кивнул:

– Хороший конь. Жаль, их все меньше и меньше. Я думал, вовсе не осталось... Где вы его, ваша милость, только и добыли!

– А что, – спросил я уклончиво, – куда смотрят здешние мичуринцы? Ну, святые или колдуны? Такие кони пронесли бы рыцарей со словом Божьим по всем странам, землям и прилегающим к ним островам!

Гунтер двинул плечами:

– Я простой воин, ваша милость.

– Уже не простой, – напомнил я.

Он поклонился:

– Да, теперь, благодаря вашей щедрости, уже рыцарь, хотя никак не привыкну... Но я не родился рыцарем, меня не учили слагать стихи и говорить красиво, так что я не знаю откуда эти кони... Но есть человек, который просто должен знать.

Наши взгляды встретились, я оскалил зубы в хищной усмешке:

– Намек понял, как сказала Пелагея-ключница. Пойду вытрясу из этого человека всякие ответы! А пока собери небольшой отряд... ты тоже со мной, посмотрим где и что. Еще захвати трех-четырёх лучников. Из тех, кто научились пользоваться. Заодно и проверим, что умеют.

– Как скажете, ваша милость!

Я направился к распахнутым воротам донжона, оттуда уже не доносятся песни: прослышали, что хозяин во дворе, бдит и трудится, разбежались. Гунтер дисциплинированно пошел слева, приотстав на полшага, как вышколенный пес на коротком поводке, я невольно замедлил шаг, придумывая, что спросить или какие задания он ждет, Гунтер идет молча, искоса посматривая в мое исполненное, надеюсь, благородной задумчивости лицо.

– Что будете делать, ваша милость?

Я тоже посмотрел искоса, язык дан человеку, чтобы скрывать свои мысли, ответил с веселым легкомыслием:

– Сперва обживусь... Здесь право первой брачной ночи существует? Хватит спать у костра, получать раны, трястись на коне с утра до вечера и снова до утра, голодать по несколько суток... Отъемся, отосплюсь...

– А потом?

Он спрашивал настойчиво, мне не понравился блеск черных, как маслины, глаз.

– Потом буду обустривать свои земли, – ответил я уже рассудительнее. Надеюсь, это прозвучало достаточно рассудительно. – Много, как вижу, запущено. В Срединных королевствах хозяйство, надо сказать, на высоте, а здесь и коровы мелкие, беспородные, и свиньи худые, и гуси больше на уток похожи... Что это за коровы, спрашиваю, если молока, как от коз?

Он кивнул, соглашаясь, но я видел, что огонек в глазах не угас. Передохнув, сказал снова:

– Ваша милость, хоть режьте, но не поверю, что вот так и останетесь жить-поживать да добро... Не тот вы человек... нет-нет, оставьте меч, я не сказал, что брешете, но часто сам человек не знает, что за первым шагом будет и второй, но второй уже совсем непохожий на первый...

Мы подошли к воротам, я остановился на грани солнечного света и полутьмы нижнего зала, поинтересовался с предельным равнодушием:

– Ну-ну, и чем я буду заниматься?

– Ваша милость, вы мудро сделали, что сразу же взялись укреплять оборону. Это сэра Галантлара страшились, а вот вас еще не раз прощупают на предмет податливости! Да и вы сами... Как насчет того, чтобы самому прощупать, скажем, Крысу? То бишь барона де Пусе? Воин из него никудышный, хозяин еще хуже... Да и земли, честно говоря, бедные, зато через них прямой выход к Лаббе, а по ней можно хоть на плотках попасть в любое из Приречных королевств, а то даже доплыть до Великого Моря! Или попробовать как-то сладить с Кабаном, хотя тот покруче, покруче...

Я усмехнулся.

– Ну и кровожадный ты! Я рядом с тобой совсем голубь мира и прогресса. А кто наши соседи справа и слева?

– У Кабана сейчас заварушка с бароном Талибальдом, это его сосед с той стороны. Можно бы под шумок оттяпать пару деревень, выйти на брод через Черную Речку, а у кого брод, тот шерстит мыто со всех проезжающих!

– Да, – согласился я. – Сидишь себе, а денежки капают...

Он приободрился:

– Ну я о чем и говорю!

– Ладно, – сказал я, – Мне надо сперва с замком и местным народом разобраться. А потом подумаем, что дальше.

Он не уходит, смотрит пытливо, ожидая указаний, я задумался, что же я не сделал срочного, что упустил из виду, старый начальник стражи ждет, лицо бесстрастное, темные, как чернослив, глаза смотрят с ожиданием, усы пока что как у Петра Первого, в стороны, кончики кверху. Разве что не распушил, как первый наш император, а закрутил, сделал кончики острыми, как шильца.

Ага, мелькнула мысль, после того, как я отпустил Сигизмунда, возникла проблема с оруженосцем. Дело не только в том, что рыцарю положено иметь оруженосца по рангу и по статусу, как офицеру – денщика, а затем – ординарца, но в самом деле часть бытовых проблем нужно спихивать на помощников. К тому же быть оруженосцем почетно: абитуриент обучается навыкам рыцарского умения, перенимает приемы, в конце концов и сам удостоивается высокого рыцарского звания.

Оруженосцами обычно становятся младшие отпрыски голубых кровей, рыцарские семьи суеются, стараясь пристроить чадо повыше в услужение, но в моем случае глупо рассчитывать, что ко мне пришлют что-то достойное. С другой стороны, это и к счастью: я не обременен старыми связями с местными феодалами, что обязывают оказывать обременительные услуги.

– Вот что, Гунтер, – сказал я солидно, словно только что вспомнив, – подыщи крепкого и смышленного парня мне в оруженосцы!

Гунтер помедлил, прежде, чем ответить:

– Сэр Ричард, не урон ли вашему званию, если у вас оруженосцем будет простолюдин?

– Мы все произошли от одной обезьяны, – ответил я привычно и добавил поспешно: – И от Адама, как говорит Святая Церковь.

Он переспросил в некотором замешательстве:

– От Адама и обезьяны?

– Ну, – сказал я в затруднении, – ведь сказано же в Писании, что после убийства Каином Авеля их папа, загоревавший Адам, сто тридцать лет не возложился... не возлегался на ложе к Еве. Есть различные толкования насчет этих ста тридцати лет, есть довольно... гм... хорошо разработанные сюжеты, в том числе в живописи и литературе... а также в анекдотах. К тому же история возникновения СПИДа от чересчур интимного контакта с обезьянами... словом, это не совсем наше дело, ты согласен?..

Судя по его лицу, согласен, еще как согласен, тем более что ничего не понял.

– Да, – ответил он поспешно, – тем более что отец Ульфилла о таком не говорил...

– У отца Ульфиллы не переспрашивай, – строго сказал я. – Он не все знает, а тыкать незнанием такого толстого человека нехорошо.

– Да, ваша милость. Осмелюсь заметить, что у всех рыцарей в оруженосцах – сыновья баронов, графов, виконтов...

– Перекрестное опыление, – отмахнулся я. – Берут ничтожного сопляка в обмен на то, что пристраивают своего! Знаем эти штучки, проходили. К счастью, я никому ничем не обязан. Мне можно подобрать настоящего воина, которого со временем можно возвести в рыцарское звание.

Он спросил нерешительно:

– Может быть, возьмете Ульмана и Тюрингема? Ну зачем мне оруженосцы? Я так все сам делаю...

– Тебе положено, – отрубил я. – Ага, и вот еще... Ночное нападение показало, что защитная магия замка исчезла. Во всяком случае так говорит наш маг Рихтер. Так что у нас одна надежда на лучников.

Он выпрямил грудь, усы воинственно приподнялись, в темных глазах вспыхнул воинственный огонь.

– Одна?

– Так говорят, – отмахнулся я. – Словом, это наша не единственная надежда, но – основная.

Он слушал очень внимательно, брови сдвинул к переносице, отчего глаза стали совсем черными, солнце искрится на кончиках усов, как на отточенных лезвиях крошечных ножей, иногда произносил «да, ваша милость», «сделаем, ваш милость», а когда вспоминал, что отныне он тоже рыцарь, с трудом говорил «да, сэр Ричард» и замирал, ужасаясь своей смелости.

– Пока нападающие, – продолжал я, – будут бежать к воротам по единственному мосту, их надо перестрелять, как баранов. Добежавших – перебить, когда начнут выбивать ворота. Тоже стрелами!

Он похлопал по эфесу меча:

– Ваша милость пожаловали мне такой клинок... и такие доспехи! Да пусть сунутся.

Я вздохнул:

– Знаешь, Гунтер, скажу тебе честно, я не был воином в своих землях, так что вовсе не рвусь в сечу. Если можно побить издали, лучше всего крылатыми ракетами, я это сделаю. Что может быть красивее, когда лучники красиво расстреляют стадо железных дураков?..

Он посмотрел на меня испытующе:

– Я понимаю, ваша милость.

Я переспросил подозрительно:

– В самом деле? А то мне уже чудится, что здесь одни блондины.

– Понимаю, – ответил он почтительно, – почему не любите сечи. Почему уже не любите! Они для вас в прошлом, как у всякого полководца. Глупо тому в бой, кто мановением руки двигал в сечу тысячи рыцарей... Будет сделано, ваша милость! Только насчет защиты вы зря. Рихтер пояснил, что исчезла магическая защита внутри замка, но по мосту пройдут только по вашему слову!

Я сказал строго, стараясь не выдать некоторого облегчения:

– Хорошая новость, но знаю по опыту, любую защиту взламывают нехорошие гады. Так что будь готов отразить нападение простыми надежными способами. Иди, выполняй!

Скобы внутри башни поскрипывают под моим весом, прогибаются, как резиновые, даже повизгивают. Надо бы укрепить, здесь народ помельче, а подо мной могут обломиться. Да и вообще гарантийный срок давно истек, Рихтер признавался, что много лет не покидал свой уютный кабинет. Можно сказать, апартаменты. Даже пентхауз, если учесть, что поселился на самой верхотуре.

Голова уперлась в ляду, приподнял, в ноздри шибанул резкий запах трав и горелой коры. Все же так пахнет мышами, это зверье с поперечных балок свисает плотными гроздьями. В подобных серых узелках, покрытых пылью, старушки хранят сушеные ягоды и целебные корешки.

С десяток мышек спят вниз головами, зацепившись коготками за щели и неровности стены. Все пространство заставлено, на широких сундуках сундуки поменьше, на них ларцы и горы старинных фолиантов.

Одна из мышек раскрыла сонные глазки, но, признав своего, сладко зевнула красным вампирским ротиком.

Рихтер сидит спиной ко мне, худой, сильно сгорбленный, несмотря на толстый халат с гордо раздвинутыми, как у кавказского чабана, плечами. Из-под широкополой шляпы поблескивают серебристые волосы.

На скрип половиц маг оглянулся, косматые снежно-белые брови взлетели на середину лба. Седые волосы грязными сосульками ниспадают на грудь, но лицо розовое, как у младенца, хоть и видно, что стар, очень стар.

– Ваша милость! – воскликнул он, вскакивая. – Сэр Ричард!

Он поспешно сдернул шляпу, я вскинул руку:

– Не вставай, не вставай. Да вот такая у меня причуда, чтоб люди, намного старше меня, не вставали... Ладно, простолюдины пусть, а вот творческая интеллигенция – не надо. А то к соседним феодалам сбегут. Да и шляпу снимать не надо, это же не просто шляпа, а некий знак принадлежности к гильдии? Как у адмирала кортик, у панка ирокез, а у политика длинный язык? Словом, привет труженику науки от работника меча и топора. Как продвигаются работы над эликсиром молодости?

Он сел и еще раз поспешно поклонился. Получилось комично, очень хотел снова встать, но не решился, раз уж хозяину такая вожжа под хвост попала, ответил умоляюще:

– Ваша милость, да вы и так самый молодой в замке!

– А я не для себя, – ответил я сварливо. – Могу же я, как отец народа и правильный феодал, заботиться об электорате?.. Ладно, это шутки. Ты мне скажи лучше, что знаешь про коней... да, тех самых, один из которых в моей конюшне. Тот самый, что с рогом. Не единорог видно, раз ежу, или я девственник в каком-то ином смысле?

Он суетился, скрипя суставами, старался усадить на почетное место, как будто в его кабинете такое отыщется, разводил руками и оправдывался, что он простой маг, таким важным делом, как коневодство, не увлекался, а все по таким мелочам, как устройство вселенной, звезды, магические силы, дающие жизнь всему-всему...

Я смахнул с ближайшей табуретки книги на пол, сердце сжалось от такого варварства, но иначе нельзя, мягкого феодала уважать не будут, сел, чтобы не стоять перед человеком ниже рангом.

Маг промямлил жалко:

– Я только слышал, что эти кони были созданы...

Я насторожился, у меня с этим словом совсем другие ассоциации, переспросил живо:

– Созданы?

– Ну да, – ответил маг без всякой запинки, если у меня свои ассоциации, то у него свои, – после Великой Битвы Гигантов... когда земля и небо перемешались, когда все дороги были разрушены... уцелевшие маги искали способы снова связать анклавов людей... Пробовали приспособливать то птиц, делая их совсем гигантскими, то ящеров... вы, ваша милость, занимаясь благородными рыцарскими делами, могли не знать, что почти после каждой такой битвы образовывались такие трещины, что достигали ада!.. Там в глубине расплавленная магма, а наверх поднимались огонь и дым. В ширину же никакая стрела не перелетит, так что о мостах и думать было нельзя. А вот на крылатых ящерах...

Я кивнул:

– Понимаю. Хотя на коне тоже не перепрыгнешь. А почему ящеры?

– Птицы больно прожорливы, господин. Вы никогда не видели, сколько куры едят? Или воробьи? Они ж все время жрут, жрут, жрут... Если не будут жрать, просто замерзнут! Возьмите воробья в ладонь – он же горячий! А чтобы быть горячим, надо есть много. Зато у ящеров холодная кровь, спят себе, еду не расходуют. После каждой катастрофы земля беднела надолго, господин. Тот слой, на котором можно выращивать, уходил под скалы, под лаву, а наверх выбрасывалось слишком много камней, пепла, золы, шлака... Конь ваш, конечно, не летающий, однако может взбираться по горным тропинкам, перепрыгивать в лесу завалы, мелкие трещины...

Он беспомощно разводил руками, сам не очень-то убежденный в своих словах, смущался, то опускал глаза, то смотрел умоляюще, не вздумаю ли на костер за плохие ответы, наверняка же явился спрашивать насчет философского камня, я смолчал, в груди похолодело. Маг сам не понимает, насколько прав, хотя сам уже не очень-то видит смысл в словах, вычитанных в старых книгах. Он просто не знает, что автомобили признают только ровные дороги. Желательно, вообще без выбоин, рытвин. А вот если дорогу расколет простейшая трещина, даже самые мощные и сверхскоростные автомобили замрут на краю. Тут надежнее обыкновенный конь... Конечно, все местные маги это поняли, принялись за коней. Возможно, у меня даже не конь, а что-то наподобие автомобиля, только вместо колес четыре ноги?.. И с кормлением, или заправкой, вопрос благополучно решили адекватно суровым условиям... Правда, автомобили тоже наверняка перерабатывали в топливо все, но насчет трещин маг прав, тут на каждом шагу эти жуткие провалы, разломы.

Маг смотрел с печальным ожиданием. Я сказал покровительственно:

– Работай дальше!.. Но, глядя на звезды, подумывай хоть изредка и над обустройством замка.

– Господин!

Я вскинул ладонь, прерывая его слова:

– Борис, ты не прав. Чистая наука наукой, но будто не знаешь, что если кто-то захватит твое хозяйство, тебе тоже придется... прервать свои занятия. А то и вовсе прерваться. На дыбе или как-то еще, что может быть намного забавнее. Для зрителей, понятно. Или же под пытками будешь срочно добывать философский камень. Так что подумай и о проблемах быта. Не потому, что я так вот из каприза велю, а надо, Федя! Надо. Мне нужны ответы на простые и ясные вопросы: могут ли через эти Двери в замок влезть еще какие-то твари?.. Ладно, сам догадываюсь, что могут, тогда подумай, как эти Двери закрыть. Или как-то обезопаситься. Второе:

что там в ночи за всадник? Он так смотрит на мой замок, что мне это как-то не совсем нравится. Даже, можно сказать, несколько раздражает, если очень мягко. Потом, сколько в замке ведьм, вампиров, домовых и вообще не совсем людей?.. Хоть какая-то статистика да ведется? Нет-нет, я не собираюсь отдавать их в руки священника. Я не настолько дурак, чтобы вот так нерационально тратить трудовые и не совсем трудовые... что значит – творческие ресурсы. Это чужих всех можно и нужно на костер, мир надо чистить от нечисти и колдовства, но своих я должен защищать, это понятно, они же свои. Ты еще не знаешь, что есть свои террористы, а есть чужие, только свои уже не террористы, а благородные и пламенные борцы за... нужное дописать. Так что за наших ведьмов не переживай.

Он сидел с открытым ртом, вытаращив глаза, затаив дыхание, слушал трепещуще, половину моих сентенций не понимал, вторую толковал по-своему, возопил жалобно:

– Ваша милость, разве не важнее, что добываю философский камень? И даже эликсир вечной молодости?

– Не важнее, – отрезал я.

– Но как же...

– А вот так! Не сегодня-завтра мне свернут голову, как цыпленку, а я буду мечтать про эликсир вечной жизни? Знаю-знаю, что ты теоретик, все мы теоретики во всех вопросах, но когда жрать нечего или когда тонешь, то и теоретику надо шевелить руками. Мы сейчас тонем, понял?..

Он покачал головой.

– Вас вся челядь боготворит, а уж гарнизон так и вовсе на вашу милость молится.

– Это до первой неудачи, – заверил я, вооруженный чужой мудростью. – Сам знаешь, какой у нас народ. Каков народ вообще. Словом, я установку дал, а ты действуй.

Он проводил меня умоляющим взглядом, я не слушал, как заверяет в преданности и приложении всех душевных сил и знаний на благо моей благородной милости, спустился по тем же скрипучим скобам в коридор, подозрительно осмотрелся. Что-то изменилось или у меня от страха глаза велики?

Глава 3

По дороге к своим покоям выглянул в окно, снизу шибануло конским потом. Это неугомонный Гунтер вновь заставляет стрелков упражняться с утра до вечера: с рассвета стреляют в круглую мишень, отходя все дальше, стреляют на меткость, на скорость, стреляют против слепящего солнца, стреляют при ветре, стреляют в полумраке. Он хотел еще учить стрелять в лесу, но я указал резонно, что сперва пусть обучатся защищать замок, а лесные приключения это на потом. Зато посоветовал научить стрелять в сумерках, а то и ночью, при слабом свете факелов, даже вовсе в темноте, стрелять в ответ на подозрительный шорох.

Уже со второго дня он учил их стрелять, сделав три круга бегом по двору, а потом с разбега взбежав на стену. Они должны были поразить движущуюся цель, как если бы враги уже ворвались в наш замок. Упражнялись усердно, большинство из них молодые парни из окрестных селений, очень жаждавшие приобщиться к вольной солдатской жизни, из таких можно веревки вить.

Правда, даже сам Гунтер недоумевал, не слишком ли, но я помню, как учат всяких там командос да беретников, зеленые они или краповые, тяжело в ученье – легко в бою, бери больше – бросай дальше, копай от забора и до обеда, словом, нагрузка сделала из обезьяны человека, из человека – творческую личность, а из творческой личности – слесаря пятого разряда.

Страж у двери моих покоев распахнул передо мной дверь, и снова я вовремя удержался, чтобы не поблагодарить кивком или словом.

Когда дверь захлопнулась, я развернул толстый рулон пергамента на столе, придавив края, как водится, кинжалами.

Зигфрид, устав уговаривать меня устроить великий пир в честь победы над злодеем, так предложил именовать предыдущего владельца замка, в одиночку обследует винные подвалы, снимает пробу – взялся составить каталог вин, это интереснее, чем разыскивать старый хозяйский. Я предпочел бы точные хозяйские планы замка, чем самому разбираться, куда какой коридор ведет, но такого не оказалось, наконец Гунтер отыскал какие-то схемы у ныне покойного сенешаля, и вот сейчас пора изучить в тиши покоев, что помимо спальни, еще и кабинет, сопоставить с увиденным в замке. Коридоры соответствуют схеме, комнаты тоже, даже пропорции соблюдены, только кухню, похоже, в последнее время перестроили: из огромной сделали крохотную. Впрочем, поправить нетрудно, я намерен хорошо кормить своих людей.

Плохо, что ни одного тайного хода. На карте прорисован только нижний этаж, но я-то хорошо знаю про тайные, а также залы, что ниже первого этажа, сам спускался с несколько странными проводниками!

Я высунулся из окна, крикнул:

– Гунтер, отыщи Зигфрида! И оба ко мне. Есть разговор.

Очень нескоро со скрипом отворилась дверь, через порог переступил толстенький человек в сутане. Даже не толстенький, а толстый, толстенный, за последние недели отъелся, из голодающего шарпея превратился в откормленного борова, но мясистое лицо все еще в складках, показывая, что есть куда раздвигаться. Сутана как будто на стоге средних размеров, священник обеими руками прижимает к груди толстую книгу.

Следом вошел Гунтер, брови сдвинуты, сопит, как бык перед дракой. Судя по тому, как отрезает путь к бегству и по раскрасневшемуся священнику, полному негодования, можно догадаться как мой начальник стражи принудил главу оппозиции к диалогу с исполнительной властью.

– Зигфрид сейчас придет, – сообщил он. – А пока что вот отец Ульфилла... Вы хотели ему что-то сказать, ваша милость.

– Отец Ульфилла, – сказал я без предисловий, переборов понятное желание предложить ему сесть, – я вам не нравлюсь, как и вы мне. Но жизнь такова, что надо сотрудничать, иначе нам придется хуже...

Он перебил тонким, пронзительным голосом:

– Я не желаю сотрудничать с человеком, продавшим душу демонам!

Гунтер грозно засопел, а я спросил:

– Отец Ульфилла, вам будет лучше, если на мое место придут демоны?.. У вас небогатый выбор! Либо встать рядом и бороться с демонами, либо помочь им одолеть меня. Правда, есть еще вариант – вообще не вмешиваться, но вы же не православный, вы католик с уклоном в протестантство? Или даже протестантизм?

Он сказал тут же визгливо:

– Я всегда боролся и буду бороться с демонами! Но я буду бороться святыми молитвами и священным писанием...

– Прекрасно, – прервал я. – Вы знаете, каким оружием владеете плохо, а каким еще хуже. Хочу напомнить о той ночи, помните? Я уже велел Рихтеру поставить защиту, но больше надежды, как ни странно, на вас. Если и вы поставите свои заклęcia...

Он взбеленился, мясистое лицо пошло пятнами, задвигалось, как океанские волны в бурю:

– У священников нет заклęcia!

– Заклинания, – поправился я, увидел, что получилось еще хуже, сказал примиряющее. – Словом, вы сами знаете, как перекрыть дорогу нечистой силе. Если нужна помощь, только свистните. Еще раз напоминаю, святой отец, что лучше плохой христианин во главе этой крепости, чем вообще демон. Подумайте!

Он смерил меня недобрый взглядом, повернулся, взгляд уперся в широкую грудь Гунтера. Я качнул головой, Гунтер отступил, священник вышел, гордо задирая голову, несломленный и непокобеленный.

Я вздохнул.

– Надеюсь, все-таки поймет.

Гунтер к моему удивлению кивнул:

– Ваша милость, здесь не самые благочестивые христиане. Но все-таки – христиане. Так что мы на вашей стороне.

Я снова вздохнул:

– Но Сигизмунд ушел. Не поверил...

– Чистая душа, – согласился Гунтер. – Еще крылья не горели! И священник этот... как будто его по ушам не били. Но возьмется, ваша милость, возьмется, чую. Заодно, конечно, и вас постарается святой водой окропить, уж и не знаю, хорошо ли...

– Почему?

Он поморщился.

– Дык ведь тогда ваш молот опростеет?

– Вряд ли, – ответил я и пояснил, как нам объясняли еще в школе или в детском саду: – Молот – просто оружие. В хороших руках будет служить добру, в злых – злу.

Он слушал с уважением и почтением, словно я изрек невесть какую мудрость, а я в который раз подумал, что вот так те истины, которые получаем с молоком матери, здесь выглядят неслыханной и революционной мудростью.

В коридоре прогремели шаги, дверь распахнулась, Зигфрид почти вбежал, несмотря на свой огромный рост и вес, похожий на статую командора, только выполненную в металле. Ничто на нем не звякнуло, не грянуло, все как будто собственная кожа.

От него пахнуло вином, когда же успел – утро, я молча указал на карту. Гунтер и Зигфрид начали смотреть, как на новые ворота, я сделал неопределенное движение рукой над картой, словно творящий пассы маг.

– Пора сделать полную инвентаризацию. Я хочу хотя бы примерно знать, куда мы поедем и что увидим. Гунтер, объясни насчет соседей. А то я вломился, как медведь, еще с замком не разобрался, но уже лезут всякие... Где, говоришь, мой замок? Вот этот? Или этот?

Замок, если это замок, изображен черным квадратиком размером с ноготь младенца, от него прямая линия, изображающая дорогу, хотя, насколько я помню, прямых дорог в этом мире не бывает вовсе. Вокруг замка еще пять одинаковых квадратиков, бедная фантазия у местных картографов, корявые надписи: деревня Куманг, село Большие Сверчки, деревня Горелые Пни, село Большие Таганцы, село Большие Печенеги. Все это принадлежит мне.

Гунтер и Зигфрид сопят, всматриваются, для них картография – предмет еще более трудный, чем для меня политический строй Зимбабве.

Итак, ближе всех к моим владениям земли сэра Гуинга, барона де Амило, прозванного Одноглазым, и сэра де Трюфеля, прозванного Кабаном. Эти земли охватили с двух сторон деревню Куманг, а сэр Одноглазый еще и прижал сельчан моих Больших Сверчков, буквально отрезав у них все пахотные земли. Дальше Горелые Пни, с ними граничат земли волшебницы Клаудии... с этой я уже знаком, знаком... но у нее земель еще меньше, чем у меня, впрочем, зачем волшебнице земли?

Пока я всматривался в карту, они тоже рассматривали, переглядывались, отходили в сторону, огибали стол и смотрели с другой стороны.

Я хлопнул в ладоши, в дверь заглянул страж.

– Пусть подадут вина, – велел я. – Только некрепкого!..

Зигфрид просиял, Гунтер не повел и бровью. Появилась Леция, смазливая, молоденькая девчонка, удивительно похожа на Гунтера: глаза тоже как маслины, в длинную золотую косу заплетена голубая лента, обеими руками несла перед собой глиняный кувшин.

Я кивком указал на полку с золотыми и серебряными кубками. Леция быстро расставила их на втором столике и благоразумно исчезла: негоже молодой незамужней девушке долго находиться с мужчинами.

Да еще в то время, когда наливают вино в кубки.

Зигфрид осушил подряд два, Гунтер – половину своей чаши, я не пил, рассматривал карту.

Тудор по прозвищу Глиняный Берег – со стороны села Большие Таганцы, а последний из соседей, барон де Пусе по прозвищу Крыса – со стороны Больших Печенегов. У всех, за исключением Клаудии, земель не просто больше, а неизмеримо больше. Только у Кабана двадцать деревень, а он выглядит нищим рядом с Тудором, его деревни обозначены точками, карта в части его владений выглядит, как засиженная мухами.

Одинаковой коричневой краской обозначены и реки, и скалы, даже лес и рощи тоже все в сепии, пороть таких картографов, нет условных значков для низин и возвышенностей, а здесь, как я сам видел, иногда дорога задирается к облакам.

Гунтер зашел сбоку, всмотрелся, неуверенно ткнул пальцем.

– Вроде бы это ваш замок, ваша милость... Да, это он. Вот и трещина, через которую мост.

– Какой мост? – возразил Зигфрид. – Это река!

– А почему прямая?

– Как нарисовано, так и течет.

Они посмотрели на меня, я проворчал раздраженно:

– Художники здесь... Перевешать бы.

Зигфрид с неодобрением покачал головой, Гунтер хмыкнул:

– Перевешали! Или сожгли.

– За что?

– За неблагочестие. Художники, они, простите, ваша милость, еретики. Или богохульники. Так что карту пришлось рисовать истинно верующему.

– Понятно, – пробормотал я. – Эх, ради хороших карт можно бы стерпеть и неблагочестие. Свободомыслие в определенных пределах рекомендуется компетентными органами даже поощрять. Человек должен себя чувствовать свободным не только по команде «Вольно!» Ладно, так где же границы моих владений?

Гунтер склонился над картой, всматривался, наконец сказал серьезно:

– У вас неплохой манор, даже, я бы сказал, слишком. Нет-нет, это не упрек, просто не у всех такая плодородная земля, как пахотная, так и пастбищная. А какие здесь заливные луга, залюбуешься!.. И вот здесь, за этой загогулиной... ух! Правда, вы уже заметили, в последние годы прежнего владельца замка перестали побаиваться, крестьяне ропщут от набегов, но пока что серьезно соседи не повредили...

Зигфрид фыркнул:

– Гунтер, Гунтер...

Гунтер нахмурился:

– Что «Гунтер»?

– Я слышал, у сэра Галантлара деревень было не то двадцать, не то еще больше! Но он ими не интересовался, соседи потихоньку и прибрали к рукам.

Гунтер взглянул на меня с опаской, ответил Зигфриду торопливо:

– Так это все без драк, без ссор. Сэр Галантлар, вы верно подметили, ими не интересовался, вот деревни и уплыли.

Я пропустил их разговор мимо ушей, голова идет кругом, не силен в средневековой графике. По краям карты, захватывая ценное пространство, огромные морды с раздутыми щеками, это Зефиры, Бореи и прочие хореи, огромные чудовища и многолучевые звезды. Все это вырисовано намного тщательнее и детальнее, чем сама карта.

– А где границы моего манора на юге? Там лес, как вижу, а что за лесом? Он упирается в край.

– Всему есть конец, – заверил Гунтер, – вам принадлежит немалая часть леса, но справа владения Тудора, а слева – Крысы. Простите, барона де Пусе. Ваши земли вклиниваются, как боевой топор, и людям Тудора, чтобы напрямую возить к себе лес, приходится пересекать ваши границы.

Зигфрид нахмурился, прорычал:

– Полагаю, надо запретить.

– Зачем? – спросил я.

– А просто так, – упрямо заявил Зигфрид. – Взять и запретить. Чтоб знали! А то еще подумают, что уступаем по слабости.

Гунтер взглянул на меня умоляюще:

– Тудор – неплохой сосед. Не самый лучший, но с ним не было хлопот. А худой мир лучше доброй ссоры. Мы тоже, если рубим деревья в дальней части леса, возим через его брод. И ничего, всем только на пользу. Из-за чего ссориться?

– Ссориться не будем, – заявил я. – Мы мирные люди, хоть наш бронепоезд... словом, кто с мечом к нам придет, тот им и подавится.

Зигфрид покачал головой:

– Милорд, если бы я уже не знал вас, я бы решил, что это у вас от слабости. Но я вас знаю, другие... нет.

– Решат, – сказал я, – что о меня можно ноги вытирать?

– Как о тряпочку, – подтвердил Зигфрид угрюмо. – Из каких краев вы прибыли?

– Из тех, – ответил я со вздохом, – где уже устаканилось.

– Срединные королевства, – сказал он понимающе. – Я слышал даже такую нелепость, что там ложатся без мечей. В смысле, в спальню вообще не берут!

– Это правда, – ответил я. – Правда, в моей всегда висели два меча. Прямо над кроватью.

Он кивнул понимающе, вы-де воин, как же иначе, я же смолчал, что эти мечи продаются в магазине сувениров от десяти баксов за штуку до тысячи, их покупают и пацаны, и солидные дяди, любовно вешают на стены: кто в спальне, кто в кабинете, а кто и в прихожей, чтобы гости сразу видели и восхищались.

В окно донесся яростный крик, звон железа, топот множества ног. Сердце екнуло, душа сжалась и попыталась спрятаться под стельку сапога. Вот тебе и похозяйствовал, кто-то уже на приступ... А луков готово меньше половины заказанных, лучников на нужды народного хозяйства только начинаем готовить.

Мы ринулись из замка, со двора я увидел на стенах народ, все тычут пальцами в небо. Там плывет, растопырив неправдоподобно широкие крылья, орел не орел, кондор не кондор, а нечто вроде птеродактиля, если по размерам, а так вроде птица, даже перья шевелятся на ветру. Однако что-то в этой птице не птичье, а я бы сказал, человеческое... Или механизмье.

Птаха подплыла к замку ближе, именно подплыла, подпарила, ни крылом не шелохнув, ни хвостом, а как бы позволяла нести себя воздушным потокам. Один из лучников выпустил стрелу, однако та, описав дугу, бессильно упала по ту сторону крепостной стены.

Я пробежал по верху стены, стараясь не смотреть вниз, все не привыкну, хотя высотобязно не страдаю, в смысле – на балкон выходил без страха.

– Что там?

На мой окрик оглянулся Ульман, серые водянистые глаза стали совсем белыми от бешенства, лицо злое, прорычал:

– А, это вы, ваша милость... Хробойл появился!

Я крикнул:

– Что за хробойл? Быстро!

Он указал в небо.

– Да вон же он!.. Ах, вы таких еще не видели?.. И не слыхивали? Да, издалека вас занесло... Эта штука рассматривает нас!

Птица в самом деле снизилась, сделала над замком широкий полукруг. Мне почудилось, что огромные выпуклые глаза слюдяно блеснули, словно там не живые глаза, а какие-нибудь фотоэлементы. Или не какие-нибудь, а то и вовсе фотоаппараты.

– Ненавижу! – заорал Ульман. – Ненавижу гадов, что вот так сидят за тысячу миль и рассматривают нас!.. Добраться бы, всем кишки б выпустил.

Он потряс огромным топором, вылитый берсеркер, а я торопливо вытащил из-за спины лук. Другая рука нырнула в колчан за стрелами. Сам ненавижу, когда следят, человек должен быть свободным, это же нарушение моих прав...

Тугой лук послушно начал изгибаться, я оттягивал тетиву с кончиком стрелы до уха, задержал дыхание и оттянул еще, еще. Птица опустилась ниже, на этот раз круг меньше, окрестности ее не интересуют, только замок, его оборона, расположение укреплений...

Тетива звонко шелкнула по рукавичке, стрела исчезла. Мы ждали, затаив дыхание. Синее небо рассекла крохотная черточка, птица дернулась, взмахнула крыльями, ее рывком подняло, но тут же провалилась еще ниже.

Гунтер, хоть и рыцарь теперь, орал и потрясал кулаками вместе с народом. Я быстро наложил еще одну стрелу, выстрелил, затем еще. Третья со страшной силой ударила в середину туловища. Перья вылетели роем, будто от крохотного взрыва. Птица вскрикнула, замахала крыльями. Ее понесло по дуге, пыталась подняться, но за нею оставался след из быстро выпадающих перьев.

– Ваша милость! – прокричал Ульман, мгновенно переходя от слепого бешенства к детскому ликованию. – Вы сбили ее, сбили!.. Что за лук у вас?.. Что за стрелы?.. Так им, гадам, и надо!

Птица медленно, но неуклонно опускалась, дальше лес, высокие зеленые верхушки деревьев, мне даже показалось, что я заметил, где она булькнула в зеленую ряску леса.

Гунтер сказал торопливо:

– Она упадет! Как Бог свят, упадет!

Подбежал Зигфрид с криком:

– Собираю отряд?

– Зачем? – спросил я гордо. – Вряд ли теперь клюнет.

Он потряс головой, смущенный и раздосадованный, что его могли заподозрить в трусости.

– Упадет во владениях Крысы!.. Там как раз его земли вклиниваются в наши.

– Но не держит же он там отряд! – возразил я.

Зигфрид и Гунтер переглянулись, Гунтер сказал со вздохом:

– Держит. Как раз там и держит. На случай, если попытаемся отрезать тот клинышек.

Так что они первые будут возле этой птахи.

Я подумал, сдвинул плечами.

– А так ли уж она нужна? Сбили, ну и хорошо. Чтобы выслать вторую, понадобится время. Как думаешь?

Гунтер с неохотой кивнул.

– Вы правы, ваша милость. Эта птаха летела из самых-самых южных земель. Даже птице лететь неделями. Скорее всего, второй не будет. А если будет...

Он смолчал, но взгляд был многозначительным. Я кивнул. В самом деле, если прилетит вторая, значит, эта не просто фотографировала по заданным квадратам, а получила задание заснять во всех подробностях именно этот замок.

– Седлай коней! – велел я. – Побыстрее!

Глава 4

С тяжелым грохотом пронеслись по мосту, Гунтер сразу же взял направо. Кони идут тесной группой, приучены, впереди речка, всем отрядом промчались через брод так, что под конскими копытами оголилось дно, дальше снова лес.

Влетели в тень, по сторонам замелькали толстые стволы. Лес сосновый, деревья прямые и уверенные, настоящая корабельная роща, ветви на самой верхушке, а кустов нет, так что несемся, почти не сбавляя скорости.

Гунтер знаками велел всем, в том числе и мне, держаться позади, он лучше знает места, дорога пошла под уклон, а на той стороне этого почти засыпанного временем огромного оврага уже густой лиственный лес.

Мы придержали коней вслед за Гунтером. Я чувствовал себя не в своей тарелке, не люблю в чужую квартиру без хозяина, а Гунтер, азартный и готовый к драке, еще и предупредил:

– Это уже владения Крысы! Будьте наготове!

Зигфрид, приподнявшись на стремянах, заорал счастливо:

– Вот она!

И вломился в кусты напрямик, за ним метнулись еще двое. Я пустил коня неторопливо следом, несолидно для феодала нестись, как мальчишка или однощитовый рыцарь. И так ветви трещат, как сухая солома, мой конь ломится подобно ледоколу через тонкий лед.

Деревья разбежались, как перепуганные олени, на небольшой поляне Зигфрид указывает вверх железной дланью. Один из лучников встал ногами на седло и пытается дотянуться до веток. Напарник подал копьё, первый с усилием начал тыкать им сквозь зелень листвы. Наверху заметались растревоженные белки, злобно стрекотали, а самая отважная с женским визгом запустила в человека сосновой шишкой.

В развилке толстой, как конское бедро, ветки застряло нечто коричневое, я не сразу вычленил взглядом обвисшие крылья и странное тело, покрытое не перьями, а короткими волосами, как у короткошерстного пса.

– Хробойл, – выкрикнул Гунтер ликующе, – самый настоящий!

– И так близко, – сказал лучник на коне, – никто еще... не сбивал... хробойла... Да что же он, гад, клювом вцепился, что ли...

Кончик копья осторожно шевелил странную птицу. Поляна заполнилась топотом, всадники теснились, готовые подхватить добычу.

– погоди, – велел я, – приготовься ловить...

Рукоять молота вывернулась из моей ладони даже раньше, чем я разжал пальцы. Встрепанно зашелестела листва, раздался сухой треск. Толстая ветвь с развилкой подпрыгнула и начала крениться. Я напрягся, заранее поморщился и пошире растопырил пальцы. Бешено вращающийся от избытка дури молот несся в мою сторону, похожий на работающий пропеллер, рукоять смачно шлепнула по ладони. Я торопливо повесил молот на крюк, а воин на коне вскрикнул и повалился под обрушившейся на него тяжелой ветвью.

Второй ликующе закричал, тут же по ушам хлестнул тревожный вскрик Гунтера:

– Люди Крысы!.. Скачут сюда!

Я прокричал:

– Без драки!.. Только без драки!.. Давайте уважать их права.

– Какие права? – изумился Зигфрид.

– Суверенные!

Второй воин соскочил с коня, нырнул под ветку, то ли помогал выбраться напарнику, то ли выволакивал дивную птицу, а я заспешил на зов Гунтера. Зигфрид и Ульман встали с ним рядом, перегоротив поляну. За нашими спинами с ахами и охами бережно вытащили хробойла.

Я оглянулся, птица сама по себе не больше собаки, но крылья – чудо, даже не крылья, настоящие паруса из тончайшей кожи, настолько тонкой, что почти прозрачные, ребристые, инженерно точно соединенные перетяжками именно в тех местах, где необходимо. Кровеносные сосуды исчезающе малы, даже не видно на этих прозрачных крыльях.

Затрещали ветви, загремели крепкие копыта. На поляну выметнулись всадники в блестящих панцирях. Трое крепких смуглых и жилистых, лица надменные – мне сразу не понравились. Я краем глаза проследил, как люди Гунтера уволокивают птицу за спины лучников, после этого я повернулся и, выпрямив спину, надменно и вопрошающе посмотрел на всадников.

Все в металлических шлемах, кольчугах, поверх которых панцири, у каждого на поясе меч и боевой топор, а за спиной щиты. Тот, что впереди, статный мужчина в панцире с вычурными барельефами на груди, дал коню сделать еще пару шагов и прокричал:

– Вы во владениях моего благородного господина барона де Пусе!

– Знаю, – ответил я вежливо. – Я как раз собираюсь нанести визит вежливости благородному барону де Пусе, заверить в своем искреннем почтении и сообщить о желании жить в дружбе и согласии.

Всадник несколько мгновений рассматривал меня в упор маленькими злыми глазами.

– Я Жерар де Брюс, – сообщил он неприятным голосом. – Командую его ландскнехтами. Я передам моему господину ваши слова. А сейчас отдайте хробойла, мы вернемся в замок.

Я покачал головой.

– Сожалею, но это наша добыча.

Он выпрямился в седле, сказал гневно:

– Почему это?

– Я сам сбил ее из лука, – ответил я скромно, но с достоинством.

Жерар де Брюс опешил на миг, за его спиной заговорили, он вспыхнул и сказал еще злее:

– Это ложь! Хробойла не достать стрелой.

– Пари? – предложил я.

За моей спиной раздался сытый смех. Жерар де Брюс поколебался, сказал с нажимом:

– Никто не смеет охотиться на землях барона де Пусе без его разрешения!

– Я готов уплатить штраф, – предложил я миролюбиво, но ощутил себя задетым. Только что «хробойла не достать стрелой», а сейчас делает вид, что попасть в него проще, чем в привязанную утку.

– Просто отдайте хробойла, – отрезал Жерар де Брюс. – Извинения, думаю, будет достаточно.

Гунтер засопел, Зигфрид уже хрипит от ярости, хватается то за рукоять меча, то щупает топор.

– Нет, – ответил я, – хробойл – наша добыча.

– Но ваша земля осталась за холмом!

Я выдвинул нижнюю челюсть, подражая Ланселоту, и сообщил все еще вежливо и внятно, что должно звучать особенно оскорбительно для тех, кто понимает:

– Однако воздушное пространство общее. Кроме того, этот хробойл рассматривал именно наш замок.

За его спиной задвигались всадники, трое наклонили в нашу сторону пики, остальные взялись за рукояти мечей и топоров. Жерар де Брюс сказал громче, лицо перекошилось гневом, ноздри раздулись и задергались:

– Но это наша земля!.. И все, что попадает на эту землю, принадлежит моему господину.

За его спиной кроме двух всадников, что прискакали первыми, появлялись еще и еще люди, а стук копыт доносился снова и снова. Они выстроились в линию, восьмеро, все в оди-

наковых доспехах, все с мечами, боевыми топорами на длинных рукоятях, копьями, а за спинами этой восьмерки нестройной толпой встали еще человек семь-восемь.

Жерар де Брюс оскалил зубы в недоброй усмешке. Я тоже выпрямился, опустил ладонь на рукоять меча. Рядом со мной с облегчением вздохнули и вытащили до половины меча из ножен Гунтер и Зигфрид.

– Я – Ричард Длинные Руки, – сказал я громко. – Новый владелец замка Амальфи. Прежнего хозяина отправил в ад вот этим мечом. Дева Мария видит, я желаю жить в мире со всеми соседями, но если кто-то полагает, что его башка тверже, чем была у Галантлара... что ж, могу, как поймут даже лесные жабы под этими деревьями, могу жить не только в мире.

Зигфрид и Гунтер встали справа и слева, Зигфрид не слишком близко, чтобы не мешать мне с броском молота. За спинами негромко переговариваются Ульман и Тюрингем, а Хрурт и Рассело молча выдвинулись на края поляны и положили руки на рукояти мечей.

Лицо Жерара дрогнуло. Когда я сообщил, что хробойл рассматривал наш замок, он счел меня за одного из людей хозяина, владелец сказал бы «мой замок». Я выпрямился и уже до хруста выдвинул нижнюю челюсть, постарался смотреть надменно и непреклонно. Даже сдвинул брови и попробовал засопеть, как бык перед дракой. Еще бы ногой копнуть землю, да не достану с коня.

– Это неправильно, – ответил он все тем же голосом, но не повысил, что само по себе неплохой знак. – Есть законы!.. Ладно, я так и сообщу хозяину. А вам, сэры Ричард, придется ответить на рыцарском суде за нарушение имущественных и земельных прав.

Всадники расступились, он дернул повод и, еще больше выпрямив спину, пустил коня обратно в чашу. Зигфрид и Гунтер не промолвили ни слова, а за спиной послышался могучий выдох, явно Ульман. Похоже, здоровяк, несмотря на его рост и силу, не очень любит драться, прямо толстовец, а то и гандиец.

– Обалдеть, – сказал я. – Неужели здесь правовое пространство? Рыцарский суд?

Гунтер с облегчением проводил взглядом людей барона, тоже не большой любитель драться, хотя драк не избегает, покачал головой:

– Ну, как сказать... Рыцарский суд тоже разный. Но лучше уж такой, чем никакого.

– Согласен, – сказал я и оглянулся на Ульмана и Тюрингема. – Птицу не помните!

Ульман вскрикнул:

– Ваша милость! Она еще живая!

Я повернул коня и оказался с ним рядом. Птица бессильно обвисает в его огромных лапцах, Тюрингем бережно поддерживает длинное крыло с прозрачной пленкой. Птица не двигается, я решил, что парни ошиблись, но огромные круглые глаза смотрят неотрывно, немигающе, в то время как у птицы уже закрылись бы кожистой пленкой.

– Суньте в мешок, – распорядился я, вздрогнув. – Или хотя бы голову.

– Как скажете, ваша милость, – ответил Ульман. – Жаль, крылья попортятся...

– Тогда залепи глаза, – велел я. – Смолой.

Гунтер посмотрел очень внимательно.

– И вы слышали, ваша милость, что колдуны могут смотреть через глаза птиц и зверей? Не хотелось бы самим внести шпиона в нашу крепость.

Деревья двигались навстречу неторопливо, расступались нехотя, тропинка петляла без спешки. Гунтер пустил коня рядом с моим.

– От рыцарского суда ничего хорошего не ждите, ваша милость. Здесь все сеньоры друг друга знают... и хотя не любят друг друга, но они – свои, местные, а вы совсем чужак.

– Засудят? – полюбопытствовал я.

– Наверняка, – согласился он. – Но вызов на суд – все-таки не самое худшее, ваша милость.

– Почему?

– Рыцари – не волшебники, враз не слетятся. Все сидят в своих замках, каждый чем-то занят, кто-то в отъезде... Много времени пройдет, а за это время, авось, что-то изменится.

Я посмотрел на него с подозрением:

– Ты из какой страны?

Он взглянул с недоумением:

– Не понял, ваша милость... Я из королевства Каледония. Есть такое...

– Да не королевства, – отмахнулся я. – Ах да, здесь еще не знают, что такое нации... Или уже забыли. Ладно, просто почудилось из-за одного словечка. Хорошо, если это еще нескоро, успеем пожить.

Мне показалось, что мы слишком уж забираем в сторону, едем совсем не той дорогой, к тому же очень долгой, хотя вроде бы понятно: ломились к месту падения птицы напрямик, а сейчас выбираем дорогу, но что-то слишком уж долго...

Лес отступил, кони достаточно бодро прут по зеленой равнине, копыта выбрасывают огромные ломти чернозема с кусками травы. После проливных дождей здесь долгое время вообще было болото, сейчас бурно растет сочная трава с толстыми мясистыми стеблями. Кони, правда, есть ее отказываются.

Я раскрыл было рот, чтобы спросить Гунтера, но деревья впереди расступились, распахнулся зеленый простор под синим небом. Впереди зеленое поле, небо начинает темнеть, с востока надвигается огромная грозовая туча. На землю пали недобрые отсветы, а на этом грозовом небе вдали темнеет замок. Невысокий, построенный я бы сказал, хаотично, бессистемно.

Замок, стыдно сказать, целиком из дерева, словно боярская усадьба на Киевщине, обычный четырехугольный донжон, десяток пристроек, небольшая казарма, и все это убожество обнесено достаточно высоким забором, тоже деревянным, как будто хозяин опасается только медведей да гоблинов.

В десятке шагов, разделяя наши владения, если я правильно понял, мелкая речушка, играет красной от предгрозного солнца водой на высоких камнях.

Гунтер простер руку:

– Взгляните, ваша милость, на владения бароне де Пусе. А вон сам замок. Это ваш самый слабый противник.

– Ну почему же обязательно противник, – пробормотал я. – Предпочитаю со всеми жить в мире и сосуществовании. Даже, если у нас разная идеология, сможем ужиться. Уживались же штатовцы с Вьетконгом, талибаном и коммунистическим Китаем? Думаю, со сбитой птицей как-то уладим.

– Не все в мире делается, – ответил он со вздохом, – по нашим желаниям.

Лицо его на миг потемнело, я успел подумать, какие же у Гунтера заветные желания, поинтересовался:

– Но если здесь такие волки, что пальца в рот не клади, то почему сильные соседи еще не сожрали?

– Барон де Пусе, – объяснил он, – пророс, как гриб-мухомор, родней от этих земель и до... Господь знает, до каких. Вот они как раз и могут доставить неприятности обидевшим их родича. Второе, как ни странно, лояльность народца к хозяину. Барон почти не вмешивается в жизнь деревень. Живут, как хотят, подати платят крохотные, но деревень у него до черта... простите, ваша милость!.. земли хорошие, так что на сытную жизнь хватает. Потому крестьяне не хотят, чтобы все перешло к более сильному соседу, что выжмет соки. А это значит, любой, кто вторгнется, будет под присмотром множества глаз. О нем будут доносить барону де Пусе. Он будет знать, сколько у нас человек, сколько лучников, арбалетчиков, рыцарей, кто силен, кто храбр, а кто труслив, кто хромает, а кто мучается коликами. Нападающим придется везти все с собой, ибо в землях де Пусе не отыщут ни хлеба, ни сена, а по ночам будут недосчитываться часовых и тех, кто по нужде отлучился дальше, чем светит костер...

– Ого, – сказал я уважительно, – Вот это и есть истинный патриотизм. А то у нас мастера только языками болтать.

Мы тронули коней, замок поплыл мимо, Ульман понесся вперед, кони медленно забирали влево, замок ушел за спину и начал отдаляться.

– Отсюда по прямой к дому, – сообщил Гунтер. – Кстати, ваша милость, доблестный сэръ Зигфрид предлагает дело.

– Ты о чем?

– Насчет пира. Можно пригласить всех соседних лордов. Повод есть, вы новый хозяин замка Амальфи и его земель, желаете со всеми в мире и дружбе...

Я подумал, посмотрел внимательно:

– Думаешь, приедут?

Он развел руками:

– Все – нет. Приехать к вам, это как бы признать вас сюзереном... или что-то вроде. Ездят обычно к старшему. А к младшему тогда, когда точно выяснено и упрочено, кто старше, кто младше. И от визита ничего не изменится... Но, думаю, кто-то да приехал бы из любопытства.

– Кто, барон де Пусе?

– Барон потому со всеми и в мире, что плохой вояка. Разве что появится шанс ударить в спину и самому не пострадать... но не приедет, труслив. Может приехать сэръ Гуинг, барон де Амило, прозван Одноглазым, еще у него есть и такое прозвище, как Лис. Пронырлив, умен, хитер, всегда старается знать больше, чем другие.

Я кивнул.

– Молодец. Информация – тоже оружие.

– И еще Тудор Глиняный Берег. Благородный барон, благородный и отважный воин, и вообще великий человек. Его уважают и враги, и друзья. Он бесстрашен, уж он не побоится ни удара в спину, ни того, что уронит достоинство.

Я подумал, кивнул снова:

– Надо подумать. Ведь тот же Тудор, да и сэръ Гуинг Одноглазый придут не одни, а у нас единственная надежная защита – мост. Если провести гостей в замок, то не проще ли отдать сразу и весь замок? Нас всего трое рыцарей, а если придут десяток... В смысле, десяток воинов с одним рыцарем, десяток с другим? Тогда нам проще самим с высоких башен на камни.

Он помыслил, почесался, осмотрелся по сторонам, куда бы сплунуть, не решился, ибо справа я, слева – Зигфрид, оба «настоящие» рыцари, лицо покривилось в титанических раздумьях, нехотя признался:

– Да, это я просмотрел... Что делать будем, ваша милость?

– Давай-ка объедем наши владения, – сказал я, так и не заставив себя выговорить «мои владения», – проведем перепись... хотя бы на глазок, сверим карту, может что и подправим. Запись день, перепись – день, вот и начнем свою статистику.

– Запись день, перепись день, – повторил он в задумчивости, посмотрел на меня, опустил глаза долу, – очень интересно звучит... Как скажете, ваша милость.

– Надо сделать, – сказал я. – А то я толком видел только одну деревню Большие Таганцы, когда на нее напали те... как его...

– Генрих Гунландский, – подсказал он.

– Вот уже точно враг, – сказал я с горечью. – Он чей родственник, Черного Волка? Ах да, племянник Гуинга Одноглазого! Где он тут, что-то я совсем не ориентируюсь... Только отъехали от замка, и уже не знаю, в какой он стороне. Ага, с той стороны, где та деревушка... лады, учтем. Надо туда лучников. Там развалины старой башни, камни раскатились, придется собрать да поставить снова. Наверху смогут размещаться с десяток стрелков. Они и постараются защищать деревню от набега.

– Долго не продержатся, – сказал он предостерегающе.

– Пока дверь вышибут, увидим сигнальный огонь. А оседлать коней и успеть в деревню – раз плюнуть.

Он долго думал, прикидывал варианты, старый вояка, наконец чело прояснилось, посмотрел на меня с уважением.

– А это может получиться! У меня десяток лучников уже наберется. Четверо из Больших Таганцев!.. Так что могут, да, могут. Я пошлю людей, чтобы башню начали собирать заново?

Я кивнул, поинтересовался:

– А как они вообще тут друг друга не пожрали? Этот благородный Тудор, каким бы ни был благородным, но не удержался бы, чтобы не расширить владения!

– Защищаться всегда легче, – ответил он.

– Да, – ответил я и щегольнул эрудицией, – потери при наступлении три к одному.

– Это когда простой бой, – уточнил он, – но если еще защищено магией, то тут уж совсем не просто. Чтобы сломить такую защиту, магия должна быть в десять раз мощнее. У нас край таков, что куда чаще попадаются штуки для защиты, чем для нападения. Так что даже барон де Пусе защищен в своем логове. А за воротами понятно, его и зайцы забьют. Если втроем-вчетвером.

Глава 5

В замок въехали, встречаемые мощным запахом свежего хлеба и мясной похлебки. Прямо во дворе на вертеле блестит, мерно поворачиваясь, коричневая туша крупного зверя, то ли оленя, то ли исхудавшего кабана. Мне лучше не браться определять такие вещи: в обязанности рыцаря входит умение снимать шкуру и красиво расчленять тушу добытого на охоте зверя, но в той стране, откуда меня занесло, несколько другие обычаи... гм, рыцарей.

– Птицу отнеси в мои покои, – распорядился я. – Время обеда, но не нажираться как свиньи! После обеда выезжаем на инвентаризацию земель... Возможно, земельный кадастр составим, чтоб как у людёв!

На меня смотрели с уважением, я часто произношу непонятные слова, что сразу выдают мое благородное происхождение.

– У вас неплохие земли, – заверил Гунтер.

– Нужен учет, – сказал я наставительно. – Мне двойная бухгалтерия ни к чему, как и черный нал. Налоги возложу небольшие, но чтоб платили! Когда люди нарушают закон, их надо наказывать, а когда ведут себя добродетельно – с них надо брать налоги.

Тюрингем взял птицу из рук Ульмана и бережно понес в донжон. Я бросил поводья подбежавшему слуге, хотя мой конь в таких случаях застывает, как статуя из камня, слез и посмотрел на небо.

Грозовая туча надвигается страшная, жуткая, но уже видно, что пройдет стороной, а самое главное – за ней уже виден край.

– Рыцари обедают со мной в верхнем зале, – распорядился я. – Остальные в нижнем.

Зигфрид и Гунтер, этот чувствует себя неловко, отдали коней и пошли со мной в донжон. В нижнем зале женщины торопливо ставят на стол миски, накладывают горячую кашу, принесли на вертеле зажаренную тушу, а мы поднялись на второй этаж. Зигфрид остановился на середине лестницы, засмотревшись на мой герб, очень уж необычный, сам понимаю. Тогда я отнесся к этому слишком легкомысленно, нарисовав шесть эллипсов вокруг точки, знакомую даже детям эмблему атомной энергетики, но знающие люди вспомнили, что таким был герб древнейшего ордена Темных Паладинов, что существовал до каких-то там войн, что гремели еще и до Седьмой, и до Шестой, и до Пятой...

Гунтер тоже посмотрел так, поглядел эдак, хмыкнул, сказал с присущей ему деликатностью начальника стражи:

– Герб... необычен, если честно. И хотя мы вас, сэр Ричард, знаем всего несколько дней, однако...

Он замялся, я спросил с подозрением:

– Однако что?

Он развел руками, Зигфрид пришел на выручку новоиспеченному рыцарю:

– Он хочет сказать, что на беглого каторжника вы, сэр Ричард, не больно похожи... но если даже каторжник, то ему это до вчерашнего снега... Гунтер, я верно понял?

Гунтер вздохнул с облегчением:

– Именно это и хотел сказать!

Я насторожился:

– Ты это к чему?

Гунтер посмотрел за поддержкой на Зигфрида, тот кивнул с пониманием.

– Он верно намекивает, верно.

Мы вышли на большой балкон на высоте второго этажа, что опоясывает донжон, внизу во дворе опять упражняются лучники, а здесь слуги торопливо накрывают стол для троих рыцарей. Гунтер сплюнул через перила на головы стрелков.

– Пора бы, – пояснил он, – ваша милость, вам обзавестись какой-нибудь звучной приставкой к имени. Я имею в виду эти «де» или «фон». Можно и «ван», но с этими «ван» не совсем...

– Почему? – спросил я.

Он снова сплюнул на головы стрелков. Зигфрид и я сели за стол, появилась Фрида с кувшином вина и кубками, двое слуг быстро расставили серебряные тарелки с затейливыми вензелями, неприметный слуга с двумя помощниками внесли жареное мясо.

Гунтер ответил с некоторой нерешительностью:

– Да «ван», как и эти самые «де» и «фон», хоть и одно и то же... а все-таки не то же, если вот так прямо.

– Ага, – удивился я, – даже так? А теперь объясни еще проще. Да ты садись, а то все пожрем, поедешь голодным.

Он осторожно подсел к столу, чувствуя себя младшим по званию, взглянул исподлобья, не изгаляюсь ли, сказал осторожно подбирая слова:

– «Ван», «фон» и «де» – это все по-нашему «из». Де Амальфи – уже сразу понятно, что вы – владетель замка и земель Амальфи! То же самое и когда «фон» или «ван». Правда, «ван» могут прицепить даже к имени мужика. Конечно, зажиточного. А вот «де» и «фон» – только к знатным особам...

Он растолковывал подробно, с артикуляцией, внимательно смотрел мне в глаза, я наконец сообразил, что в самом деле считает меня кем-то вроде беглого каторжника да еще из таких дальних земель, где вообще об этих «де» и «фон» не слыхали.

– Благодарю тебя, Гунтер, – сказал я. – Вижу, заботишься. Другие сопят в две дырочки, помалкивают. А ты вон все растолковал, спасибо! Я в самом деле из таких дальних земель, что ни о каких фонах не слышали. У нас другие знаки отличия для всяких там знатных доярок, механизаторов и героев защиты и взятия Белого дома. Но, как я слышал, дворянством жалуют короли?

Он повернулся в сторону балюстрады, словно намеревался в третий раз смачно сплюнуть на головы стрелков, но то ли те наконец перебежали на другую сторону двора, то ли Гунтер не желал плевать, не глядя, передумал, сказал по-крестьянски основательно:

– Это там, в тихих землях. Здесь дворянство берут сами. Конечно, графство или герцогство так не возьмешь, надо чтобы пожаловал король, или хотя бы утвердил, графы и герцоги наперечет, товар штучный, зато дворянином можно стать и самому, если есть военный отряд и свой замок. А у вас славный феоде с богатыми землями. Хоть деревень осталось маловато, зато лес, пашни, река, заливные луга...

Я поразмыслил, кивнул:

– Спасибо, подумаю. Мне это все по фигуре, но с общественным мнением считаться приходится. Как думаешь?

Он проворчал:

– Раз уж не в лесу живете...

– Спасибо, Гунтер.

Он засопел, смущенный и довольный, я за день наговорил ему «спасибов» больше, чем он слышал за всю прошлую жизнь.

Слуги расставили блюда с жареным мясом, перед Зигфридом по его заказу – запеченного жирного гуся, фаршированного перепелами, рыцарь сразу с довольным ревом вонзил нож и распанахал надвое, я довольствовался странной красной рыбой, что очень напоминает форель, такая же нежная и тающая во рту, а мысли постепенно поднимаются над столом, абстрагируются, я напомнил себе, что рыцари правы, я уже не Ричард Длинные Руки, вернее, не просто Ричард, а благородный сэра де Амальфи. Здесь, как и везде, в первую очередь срабатывает идентификация, накладываемая обществом, а не самоназвание. Мало ли, что немцы зовут себя

дойчами, все равно для нас их страна – Германия, для украинцев – Немеччина, для – испанцев и всей Латинской Америки – Алемания, якуты себя называют – саха, а грузины – картли, ну и что, Эльбрус и есть Эльбрус, пусть для туземцев он трижды Джомолумгбмавприсядку.

То есть, говоря проще, сперва были люди, которых называли по их повадкам или внешности Волками, Медведями, Орлами, Окунями, а дети их отвечали на вопрос «чьи»: Волковы, Медведевы, Орловы, Окуневы... Но это простой народ, а вот крутых называли по тем землям, которые им удалось захватить. Вернее, по тем, которые сумели удержать и с которых собирают дань. Так вожак банды, орудующей в Долгопрудненском районе, зовется Мишей Долгопрудненским, босса Солнцевского района звали Михасем Солнцевским, а главаря Люберцев – Геной Люберецким. Доблестный гасконец по имени Шарль так и остался для всех де Артаньяном, сокращенно – д'Артаньяном, то есть хозяином местечка Артаньян.

То, что наивные считают именем, на самом деле всего лишь кликуха, вроде «Долгопрудненский», «Питерский», «Люберецкий», «Казанский»...

Штирлиц тоже не фамилия, как думают, а кликуха, ибо Макс Отто не просто «герр», а еще и «фон», что значит – немецкий дворянин, владеющий местечком Штирлиц. Вернее, его далекий предок владел, из-за чего потомок не просто Макс Отто, а Макс Отто фон Штирлиц. Правда, не понимаю, куда вообще у дворян деваются фамилии? Имя есть, а фамилии нет...

Но это еще ничего, а бывает, когда даже по именам не зовут, как того же графа лаФера или виконта де Бражелона! Да и то, что гасконца, владеющего поместьем Артаньян, зовут Шарлем, многие ли знают?

Так что я Ричард де... или лучше фон? Гунтер прав: эти «де», «ля» и «фон» – идентичны, но лучше все-таки «де», чем «фон»: «фон-барон» у нас с детства дразнилка, к тому же рыцарство больше привыкли соотносить с французами из-за их куртуазности и воспевания баб-с, в то время как немцы лишь хорошо воевали и доблестно сражались, молча блюдя рыцарские заповеди. К тому же французы, тогда еще будучи норманнами, завоевали Англию и занесли на эти туманные острова свои вкусы и понятия о рыцарстве. Так что решено, буду Ричардом де Амальфи. Можно даже Ричардом де ля Амальфи!

Нет, с «ля» еще рано. Для этого надо утвердиться, получить признание соседних баронов и особенно – короля или герцога, сюзерена этих земель. Тогда будет и «ля». Ибо «де» – это название владимой местности, а «ля» – формальное право на это владение и вместе с тем отличительный признак высшего сословия.

Зигфрид, работая быстрее камнедробилки, перемолол гуся, пожрал перепелов с их нежнейшими косточками и уже откупоривал глиняный кувшин.

– Знатное вино, – сообщил он с одобрением. – У вас, сэра Ричард, винные подвалы – не нахожу слов! Не у всякого короля такие. А кроме вина в бочках там в подземелье под северной башней сотни три вот таких, в кувшинах.

– В амфорах, – подсказал я. – За столько лет разве не превратилось в уксус?

Он изумился, взглянул с укором:

– Сэр Ричард! Разве в вашем королевстве не накладывают заклятия? Чтобы отогнать порчу?

– Накладывают, – пробормотал я. – Но есть мнение, что пастеризация портит продукт. А стерилизация так и вовсе...

Он вздохнул:

– Да я тоже слышал что-то, хоть я колдовские слова сразу забываю, я ж христианин. Но если не чувствую порчи, то ее нет?

– Хорошо сказано, – одобрил я. – Однако предпочитаю подниматься в седло с ясной головой. А вы пейте, пейте! Но если хоть один из вас покажется мне пьяным...

С другой стороны, продолжал додумывать туповатый мозг, судя по истории, один мужик вообще взял все три префикса или артикля, как их правильно: и «де», и «ля», и «фон». Имя

у него было простое: Тен, что значит – Десять, во многих семьях детей называют просто по номерам, так в Риме пошли всякие Децимии, Секунды, Квартии, Октавианы, а у нас – Перваки, Третьяки, Шестаки, Осьмаковы... У того мужика с именем Тен получилось круто – де ля фон Тен. У нас его так и писали: де Ляфонтен. Как фон Визина в России до сих пор пишут чисто по-русски: Фонвизин... Да у нас и про Дон Кихота думают, что Дон – имя, а Кихот – фамилия, потому «Дон» пишут с прописной.

– Нет, – проговорил я вслух, – одно дело – самого себя назвать... – э-э... назвать, ну, понятно, кем, другое дело – когда другие...

Они смотрели на меня с вопросом в глазах. Я широко улыбнулся:

– Что Ричарда де Амальфи не видели? Еще успею надоесть.

Солнце заливало мир расплавленным золотом с зенита, конюхи вывели троих оседланных коней, лучники уже в седлах терпеливо ждут в сторонке. Гунтер отобрал пятерку молодцев, я осмотрел, понравились, выглядят крепкими. Руки сильные, жилистые, а луки у всех чуть короче обычных, зато композитные, с удлиненными стрелами. Жаль, с коня на полном скаку из таких не постреляешь. То ли дело мой, ариантовский...

Я кивнул Гунтеру, вставил ногу в стремя, за спиной Гунтер прокричал:

– На выход – шагом!

Во двор высыпала челядь, молоденькие девушки строили глазки всадникам, слышались крики, напутствия, смех. Явился отец Ульфилла, осенил всех общим крестным знаменем, прочел короткую молитву, а моего коня окропил святой водой. Постаравшись брызнуть мне на сапог.

К его разочарованию ни конь, ни я не закричали дурным голосом и не испарились в жутких корчах и клубах дыма. Я пустил коня шагом через двор в сторону ворот, поинтересовался у Гунтера:

– А кто вообще сюзерен здешних земель?

Зигфрид промолчал, он, как и я, нездешний, Гунтер почесал в затылке, оглянулся по сторонам, словно стены не только помогают, но и подсказывают.

– Сюзерен?.. Да здесь земли на самом кордоне, можно сказать. Тут всяк по себе. Но если вообще-то, то благородный и мудрый Вильгельм Блистательный. Но ни он здесь не бывал, ни его люди. Так что в этих краях каждый хозяйничает сам по себе. А суд творят сами сеньоры. Если вы о хробойле, то соберутся, скорее всего, не больше сорока рыцарей. В первую очередь, правда, это барон де Пусе, сэр Гуинг Одноглазый, Черный Волк, он же Вервольф, сэр де Трюфель, сиречь Кабан, Тудор...

– Леди Клаудия, – вставил Зигфрид.

За нашими спинами, где едут тесной группой Ульман, Тюрингем, Рассело, Хрурт и лучники, кто-то хихикнул, кто-то заржал.

Я кивнул.

– Понятно. Соседям захочется посмотреть на меня. Остальные будут или нет, а эти уж точно.

Ворота начали открывать, завидев нас, загодя. Когда мы приблизились, тяжелые створки уже разошлись в стороны, кони бодро процокали подковами по каменному мосту, но ушами прядали, все старались держаться середины.

Гунтер спросил почтительно:

– Куда отправимся, ваша милость?

– Объедем по кордону, – решил я. – Три села и две деревни? Да, ты называл: деревня Горелые Пни, село Большие Сверчки... Пора бы запомнить, хотя не царское дело – бухгалтерия, но руководить я должен? А еще больше – бдить кордоны?

– Село Большие Таганцы, – подсказал Гунтер запоздало.

– Так, что еще?

– Село Большие Печенеги...

– Господи, – вздохнул я. – Все такие большие, прям огромные! Наверное, по три хаты, а то и по четыре в каждом селе.

– И еще деревня Куманг, – закончил Гунтер.

– Тоже большая?

– Нет, просто Куманг, – пояснил Гунтер. – Это ж не село, а просто деревня.

– Ага, – сказал я и постарался запомнить разницу между селом и деревней, она куда больше, чем между плотником и столяром или человеком и собакой. – Просто деревня... ну да ладно, на безрыбье и сам... А в каком месте мы позволили свершиться быстрому и праведному пролетарскому суду Линча над Генрихом Гунландским?

– В Больших Таганцах, – сообщил Гунтер. – Это самое большое и богатое село.

– Села и деревни, – сказал я, – оставим на потом. Один раз я в них уже побывал, теперь надо посмотреть на кордоны. Замок Крысы видел, но, боюсь, другие соседи выглядят повнушительнее.

Гунтер смотрел исподлобья, сказал осторожно:

– Это точно.

– Объедем наши земли по краю, – решил я, – посмотрим, на крепком ли замке государственная граница, не проползет ли подлый враг. Сразу определим, есть ли какие-то метки, легко ли к нам вторгнуться.

Проехав мост, кони снова взбодрились, лучники с гиканьем понеслись вперед, рассыпались в стороны, хозяина надо оберегать.

После получасовой скачки открытое пространство осталось за спиной, кони на рысях влетели под высокую зеленую крышу леса. Сильный запах молодых листьев, муравьиной кислоты, аромат вытекающей из разломов могучих стволов янтарной смолы...

В лесу пришлось перейти на шаг, деревья по обе стороны тропки поплыли неспешно, исполненные мощи титанов: толстые, приземистые, с покрученными ревматизмом ветвями. Черные дупла пугающе бездонны, иногда такие огромные, что вообще внутри деревьев пусто, сам ствол вздымается, как тонкостенная труба, однако ветви зеленые, роскошные, тянутся во все стороны, везде множество гнезд, птицы долбят кору, вылавливая короедов, есть деревья страшно расколотые молнией либо чем-то еще ужасным, обугленные, но из уцелевших частей развиваются побеги, что берут на себя фамильное имя и все обязанности погибшего исполина.

Гунтер направил коня по едва заметной тропке, протоптанной то ли людьми, то ли зверьем. Впереди медленно приподнялся горбик земли прямо там, где мы должны будем проехать, осыпались комочки, в щель проглянуло нечто страшное, белесое, скользкое. Гунтер однако не обратил внимания, конь спокойно переступил через подземное существо, и, когда я с сильно бьющимся сердцем приблизился, понял, что это просто толстый корень дерева, что расширяет жизненное пространство.

По сторонам то и дело вспучивается зеленый мох, иногда – гора опавших листьев, но все это должно свершаться медленно и величаво, в смысле – незаметно для человека. Мы должны видеть только вздутости, но чтоб вот так прямо на глазах, да еще на утопанной до твердости камня тропке...

По спине пробежал нехороший холодок. И хотя знаю, что нежные шампиньоны взламывают асфальт и бетонные плиты, но одно дело читать о каких-то ненаших грибах, другое дело видеть такое вспучивание. Жутковато живучие деревья, невольно поверишь в деревья-людоеды и прочую дурь.

Почти все стволы покрыты толстым зеленым, а иногда и коричневым до красноватости мхом. Иные до самого верха, будто укрылись шубой от холода, ветра и насекомых, другие

только с одной стороны, трети даже без коры, блестят как политые жидким стеклом, жуки и муравьи на глазах скользят и срываются наземь.

Мой конь то и дело останавливался почесать морду о ствол, чего раньше никогда не делал. Я наконец пробурчал:

– Если чешется спина – растут крылья. Если грудь – выпускаются шасси, если нос – к выпивке... А морда? Гунтер к чему чешется морда?

– К чесотке, ваша милость, – ответил он мудро.

– Хороший ответ, – буркнул я. – Мудрый. Взвешенный. Быть тебе, Гунтер, помимо всего, еще и сенешалем замка... Ноздря чешется, как известно, к крестинам, губа – к орбакайтам, стюардесса по имени Жанна чешется понятно от кого, а мой конь, который никогда не чесался...

Конь остановился перед могучим дубом и трижды ударил рогом в ствол. Брызнули щепки, на белой коре остались глубокие вмятины, будто дерево на полном ходу задел танк.

– Хорошо-хорошо, – сказал я успокаивающе. – А теперь пошли, пошли дальше...

Промелькнул зверек, толстенький и неуклюжий, как крохотный медвежонок, круглоголовый. Оглянулся прежде, чем исчезнуть, помедлил в нерешительности, словно что-то побуждало подойти к незнакомцу. Поразила круглая мордочка с большими печальными глазами, мне остро захотелось схватить его на руки и прижать к груди. Зверек застыл, смотрит умоляюще, но когда я сделал движение к нему, вздрогнул и отступил в кусты.

Гунтер коротко хохотнул:

– Понравилось?

– Да, – ответил я. – Что это было?

– Никто не знает, – ответил он с сожалением. – То ли пользуется какой-то магией... но зачем, не знаю. Людям не вредит. Никто не говорит, что от них зло. Но зачем они здесь, никто не знает.

Глава 6

Двое стрелков, повинувшись взмаху руки Гунтера, унеслись вперед. Дальше Гунтер ехал молча, сеньору нельзя докучать, а я снова вспомнил зверька с умоляющими глазами, задумался над желанием схватить и прижать к груди. Либо детеныш, к ним всегда животная симпатия, все любят хватать на руки и тискать щенков, котят, хомячков. Даже лягушат не боятся брать в руки те, кто ни за что не прикоснется ко взрослой лягушке... либо в самом деле защитная магия, внушает всем, что я маленький, безобидный, никого не трогаю, пожалейте...

Но ведь в самом деле и маленький, и безобидный, если Гунтер точно знает, что этот зверек не губит людей.

Мелькнула мысль, что это вполне мог быть одичавший пес или кот... ну, в смысле, домашний любимец, не знавший другой жизни, как в квартире человека. Выведенный для удовольствия, для тисканья и целования, как выводим породы декоративных кошек и собак, абсолютно не пригодных для жизни на воле. Этот, правда, как-то прижился. Или прижилась одна из пород, ведь одних собачьих пород сотни.

Миновали открытое пространство, Гунтер поерзал в седле, а когда понял, что проедем вдали от весьма роскошной рощи, вздохнул с немалым облегчением.

– Что-то не нравится? – спросил я.

– Нет-нет, – заверил он, – все хорошо! Просто ты облюбовала стая собак... Не смотрите на меня так, ваша милость. Не простые собаки! Пока что никому не удалось с ними справиться. Потому все объезжают. Земли хватает, люди селятся в хороших местах. А куда не стоит ходить – узнают быстро. Там гибли и крестьяне, и воины, и даже рыцари, так что теперь объезжают.

Я поморщился, оскорбительно опасаться на своей же земле каких-то одичавших собак, но по старому опыту знаю, что собаки вообще-то опаснее волков и любых других зверей, так как многому научились у человека, а их мушкетерский девиз: один за всех, все за одного – выручал стаю всегда и позволяет доминировать в любом ареале, вытесняя даже львов и тигров.

– Хорошо, – ответил я нехотя, – пообедем. Но когда-нибудь разберемся. Сейчас просто некогда.

Гунтер перевел дыхание.

– Вот и хорошо, ваша милость. Не дело с каждой собакой драться. Но вот там слева густые заросли осоки, хоть болота давно нет...

– И что там?

– Цапли, – ответил он хмуро. – Но странные какие-то... Научились в землю зарываться. Кто подъедет ближе, они прямо из-под земли бьют клювами. Не один там потерял коня...

Я кивнул.

– Обьедем. Не рыцарское дело – с цаплями драться.

– Правильно, ваша милость, – согласился он очень поспешно. – Вы же убиватель драконов, как настоящий рыцарь, а что вам эти пернатые?.. Так, смешно даже. Урон рыцарскому званию. Как и вон те болотные черви... которых можем увидеть, если сдуру попрем прямо. Там такое нехорошее болото... Говорят, со дня сотворения мира не меняется. Что в нем еще живет, никто не знает! Нет сумасшедших, чтобы подойти и заглянуть. В старину бывали, от них только кости на берегу остались...

Я пробурчал:

– Обьедем и болото. А вот тот лесок чем опасен?

Гунтер проследил взглядом за моим пальцем.

– Этот? – переспросил он, просяив. – Да ничем, там все хорошо! И олени там водятся, и зайцы, и кабаны!.. Ручей там хорош. Если бы и вот тот, что за ним, тоже таким был – цены бы этим местам не было бы...

Я вздохнул.

Лес оборвался так же вдруг, как и начался, впереди зеленый простор, тоже окаймленный лесом. На этой гигантской поляне разместилась бы не одна деревня, а то и целое село с богатыми полями, пашнями и лугами: вон речушка, небольшая, но для жителей свежей воды вполне хватает.

Гунтер, заметив, как я хмурю брови, пустил коня рядом с моим одноногом, сказал с почтительностью гида:

– Совсем недавно эти земли были наши, христианские. Беда в том, что сразу же после победы бросаемся отмечать успех, а потом празднование затягивается... насколько я знаю, там затянулось чуть ли не на столетие. А то и больше. И с каждым годом победа выглядела все сокрушительнее, а враги разгромленными, уничтоженными, стертыми в пыль.

Я буркнул:

– Знакомо.

Он проворчал:

– Думаю, так везде. Такой род человеческий... И потому для всех было как гром с ясного неба, когда в лазурном чистом море вдруг – черные паруса! Но даже тогда сбежались на берег глазеть вместо того, чтобы созывать всех, кто мог носить оружие!

Я насторожился, поинтересовался:

– А что, близко море?

– Нет, до ближайшего залива две сотни миль. Если по прямой.

– Понятно. И что насчет чужаков под черными парусами?

– Я ж говорю, сбежались глазеть, как дураки.

Я кивнул:

– Знакомо. Еще как знакомо. Везде дураки поступают одинаково. А в чем-то мы все... не гении. Отпор дать не сумели?

– Как раз сумели! – возразил он. – Отважный король Ридьярл вывел всю дружину. Захватчики грабили прибрежные села, а он обрушился всей мощью. Завязалась кровавая битва, пришельцев начали теснить, они уже начали отступать к кораблям, началась резня убегающих... И тут сосед Ридьярла, король Гудлум Залесский спешно ударил на беззащитный столичный град Ридьярла, выбил ворота и захватил город, где полонил всю семью Ридьярла. Нет, он не был на стороне чужеземцев из-за моря, но как не воспользоваться удобным случаем? Словом, Ридьярл бросил избивать чужаков, спешно вернулся с потрепанной дружиной, сгоряча осадил собственный замок, но Гудлум успел ввести туда сильный гарнизон, а когда Ридьярл пытался штурмовать, с другой частью ударил в спину. Битва была кровавая, Ридьярл погиб, а сам Гудлум, все-таки король был отважный, трижды ранен. Короче говоря, хотя Гудлум и сумел удержать в своих руках захваченное королевство, но недолго наслаждался двумя коронами... Захватчики вернулись, и обескровленная дружина Гудлума была разбита в первом же сражении.

Я спросил хмуро:

– А что другие короли? Хотя нет, не надо, уже догадываюсь.

– Вы правы, ваша милость. Все больше думали, как нагреть руки на несчастьях соседа, чем о совместном выступлении. Чужаки – это что-то непонятное, к ним нет даже вражды, кроме памяти, что когда с ними воевали прапрапрадеды, а вот проклятый сосед то лес тайком рубит, то уток бьет на его лугу, то пошлину с купцов незаконно взял...

Зигфрид прислушивался с некоторой ревностью, все-таки мы с ним единственные настоящие рыцари, а Гунтер... не совсем, но разговариваю больше с Гунтером, вмешался:

– А что с местным населением?

– Простым людям приходилось на время войны прятаться, – объяснил Гунтер, – а потом отстраиваться снова. Только замок Тудоров никто и никогда не мог захватить! Мы его сегодня увидим, ваша милость.

Я спросил заинтересованно:

– Почему не могли захватить?

– Говорят, такая судьба. Тудорам дарована неуязвимость... в своем замке. Здесь проходили армии не только императора Карла, Иммануила Третьего или Рогнара Дикого, но и те, древние, которых уже забыли! Но замок всегда оставался за Тудорами!

Я подумал, что-то не состыковывается, поинтересовался:

– Замок Тудора, как понимаю, не заброшенная деревушка... Его должны были обязательно захватить, если построить осаду грамотно. В замке хорошо отбиваться от разбойников, годится и для обороны от такого же барона, но против армии...

Гунтер хмыкнул, сказал странным голосом:

– Поговаривают, что не только войска, даже нечисть обходит земли Тудоров стороной. Как будто им кто-то сказал, вот по эту сторону луга грабить можно, а по эту – нельзя!..

– Нечисть? – спросил я.

– Да, ваша милость.

Я смолчал. Нечисть я отношу к широкой популяции животных, которым приказать невозможно. Есть, правда, и разумные, какой-то мутационный вывих, но эти твари, к счастью, индивидуалисты, в стаи не сбиваются. Трудно представить, что ими можно хоть в чем-то руководить.

– Может быть, – предположил я, – в том замке святой? И своей святостью сумел ограждать...

Осекся, лицо Гунтера слишком ясно выражало, что он думает о святости Тудора.

Он начал рассказывать их историю, но я уже не слушал.

С полчаса кони шли резво, некоторое время ничего не попадалось, кроме беспрестанно выпрыгивающих из-под копыт зайцев и взлетающих птиц, – богатая здесь земля, затем впереди послышались крики, лучники рассыпались, как вспугнутые воробьи.

Мы прищпорили коней, Гунтер выхватил меч, со стороны лучников свистнули первые стрелы. В густой траве раздался скрежещущий звук, вихрем взлетели комья земли, словно в почву с огромной скоростью зарывалась газонокосилка.

– Близо не подходить! – прокричал Гунтер.

С высоты седла я видел нечто бледно-зеленое, что быстро уменьшается, остатки травы трепещут, в небо взлетают комья, а стрелы со злым вжиканьем втыкаются в это зеленое.

Когда я наконец замахнулся для броска, в земле чернела темная нора, лучники подъезжали безбоязненно, но первым у норы оказался Гунтер, сплюнул, спрятал меч.

– Развелось их... Видать, осенью наводнение будет.

Лучники снимали тетивы и укладывали люки в чехлы, я спросил Гунтера:

– Это кто, крот-мутант? Или медведка-переросток?

– Ламарк, – ответил он хмуро. – Если проворонить, то может утащить в нору. А так не очень опасны, если знать... наверное, в самом деле будет наводнение. Говорят, у деревни Большие Таганцы тоже видели двух ламарков.

Когда взъехали на очередной холм, справа в долине открылась деревня с множеством домов, не меньше сотни, по внешнюю сторону тянутся огороды, а в середине, на площади, массивный каменный храм с крестом на крыше. Зигфрид благочестиво перекрестился, однако Ульман проворчал злобно:

– Не спеши, благородный рыцарь... Я слыхивал, что здесь укореняется ересь.

Зигфрид охнул, побледнел. Я промолчал, все понятно, еретики – это свои же христиане, но не так толкующие ту или иную строчку в довольно туманном Писании. Такие всегда кажутся опаснее не только мусульман, но даже заморских чудищ, нежити, дивов...

Зигфрид бросил ладонь на рукоять меча, грудь сразу колесом, глаза выкатил так, что вот-вот выпадут.

– Может быть, вызвать людей, чтобы окружить деревню?

– Зачем? – спросил я.

– Чтобы ни один не улизнул! – ответил он с готовностью. – Еретики – люди заразные. Вот, помню, в землях Каролингов появился лжепророк, утверждавший, что Господь после великой битвы с Сатаной разделил мир: светлым – небо, темным – ад и геенну огненную, а тем ангелам, которые не присоединились ни к тем, ни к другим и стали таким образом серыми ангелами, отдал всю землю и все народы... Так что, мол, надо забыть о Боге, а вместо него...

Он умолк, настороженно посмотрел в небо. Гунтер тоже вскинул голову, буркнул:

– Мне тоже не нравится тот орел, но что мы можем сделать?.. Он не опустится ниже.

А любопытный Тюрингем спросил нетерпеливо:

– И что с тем пророком?

Зигфрид отмахнулся:

– Сожгли, дабы очистить душу, но он успел посеять свою веру в сердцах нестойких. Пришлось на костер отправить еще с десяток, а потом долго искоренять огнем и мечом по всему краю, где он прошел. Жгли села, людей пришлось убивать, очень уж крепко держались за ложную веру... Потому и надо успеть как можно раньше! Чтобы меньше невинных душ пострадало.

– Души мы спасем, – ответил Ульман. – На костре. А вот с телами, которые так нужны для работ, придется расстаться.

Я нахмурился и, чтобы в голосе звучала угроза, заговорил медленно, внушительно, веско:

– Ульман... Ты, никак, начинаешь распорядиться? Ты даже не рыцарь, даже оруженосцем Гунтера стал недавно, а уже дерешь нос и начинаешь рулить?

Все замолчали, я ощутил, что в самом деле в моем голосе звучит неприкрытая ярость. Ульман побледнел, вскрикнул:

– Ваша милость!.. Простите, с языка сорвалось! Просто, когда касается еретиков, то мы все, христиане – братья, должны, как один, вместе и дружно...

– ...идти резать кавказцев, – договорил я. – Вот что, Ульман!.. Да и вы все, слушайте внимательно. Я – паладин, не забыли? Это значит, что я облачен доверием высших иерархов Церкви и даже святых угод... тьфу, праведников. Я определяю, кто еврей, а кто ариец... в смысле, кто еретик, а кто даже наоборот. Запомнили?

– Да, – почти прокричал он, – да, ваша милость!..

– Как скажете, – ответил и Тюрингем с поклоном.

– И еще, – продолжил я, – это чья деревня? Если на моей земле, то моя?

Гунтер замаялся, Ульман и Тюрингем сделали вид, что не слышат моего вопроса и усиленно рассматривали село, прикладывая ладони козырьками к глазам.

– Это племя савиров, – ответил наконец Гунтер. – В основном, они на той стороне, там владения сэра Уландра... которого чаще называют Волком или Вервольфом. Он сам, кстати, зовет себя Волком. У него на щите черный волк, и вообще вроде бы весь его род ведет начало от огромного волка, что в древние времена спустился с гор в долины и превратился в человека. Благородный сэр Уландр много раз пытался подчинить их полностью, заставить работать в замке, служить челядью, но савиры, не отказываясь платить налоги, упорно держатся за остатки свободы.

– Вполне понятное желание, – проронил я.

Гунтер вздохнул:

– Но кому-то и работать надо? Словом, когда раздраженный Вервольф высылал вооруженные отряды, савиры уходили в леса, там из-за деревьев наносили такой урон, что барон всякий раз отзывал карательные отряды, подтверждал прежние налоги и льготы, клялся больше не требовать добавочных поборов.

– А что эти, которые со стороны реки?

– Общаются через реку, издавна перероднились, частично переняли их странноватые обычаи, даже одежду, а савиры, чувствуя доброжелательность соседей, делятся секретами изготовления добротного оружия, продают удивительно быстрых коней, оказывают помощь в сборе лечебных трав.

Я покачал головой:

– И что в этом плохого?

– Ваша милость, зараза проникает вместе со сладким.

Зигфрид смотрел с недоумением, смолчал. Гунтер тоже хмурился, я молча пустил коня шагом, чтобы не напугать сельчан видом скачущих в их сторону вооруженных людей.

С пастбища пастух гонит в сторону села огромное стадо ухоженных ленивых коров, а от озера идут, важно гогоча, крупные белые гуси. С поля, со стороны садов двигаются вереницами женщины, донесся веселый смех. Многие едут на подводах, сидят на краю, свесив босые ноги.

Из домов на околицу выбегают подростки, молодые девушки, совсем редко – немолодые женщины. У всех в руках хворостины, им навстречу двигается, поднимая пыль, ленивое стадо, мычашее, помахивающее хвостами, овода и слепни пользуются последним моментом попить кровушки. Со смехом и веселыми криками разбирают скотину, отделяют, гонят домой. Иных коров, как я заметил, никто не встретил, эти дорогу знают и двигаются прямо домой, затем толчок лобастой головой в калитку, а дальше знакомый хлев, тихий и защищенный.

На телегах везут бревна, пойманную рыбу, забитую дичь, какую-то рыжую землю, рыхлую и неприятную... ну да, это же руда для кузницы, все стягиваются в село перед приходом ночи, когда нужно запереть все двери, обезопасить заклятиями от нечисти, а для защиты от волков спустить с цепи здоровенных злющих псов.

Зигфрид сказал многозначительно:

– Вон то здание... это что? Церковь? На пороге трава моему коню до брюха.

– И от часовни одни развалины, – добавил Гунтер.

Я ответил, не оборачиваясь:

– Насколько знаю, только в православии с Богом общаются через посредника, будто Богу надобны толмачи. В католицизме с Богом можно разговаривать и без церкви. У нас ведь католицизм?

Они переглянулись в недоумении. Наконец Зигфрид проговорил медленно:

– Сэр Ричард, я не знаю, что это такое, но с Богом предпочтительнее общаться в специально отведенных местах. В самых красивых и благородных! Из уважения. Общаться в других местах – все равно, что принимать короля в свинарнике. Мудрый повелитель ничего не скажет, но разве самим не стыдно?

Гунтер и остальные молчали, но во взглядах я видел осуждение.

– Ты прав, – сказал я с неловкостью. – Прав, извини.

Он развел руками.

– Вам не за что извиняться, сэр Ричард. Вы – паладин, с Господом говорите напрямую, но остальной народ сперва должен вымыть руки и вытереть ноги.

– Извини, – повторил я. – Я в самом деле все примеряю к себе.

Гунтер пробормотал:

– И к своему коню...

– Что? – переспросил я. – А конь причем?

– Ваша милость, у нас не столь резвые кони...

Я перевел взгляд на их взмысленных животных. Под Гунтером роняет хлопья пены, у остальных блестят бока и морды в мыле.

– Виноват, – сказал я. – Но дареному коню кулаками не машут. Какого мне Бог дал...

Они поспешно перекрестились, в глазах Зигфрида мелькнул восторг, на лице Гунтера – страх и замешательство.

По широкой улице женщина несет впереди себя, сильно откинувшись назад всем корпусом, огромную глиняную кринку с парующим молоком, сверху густая кружевная пена в несколько этажей. Завидев нас, опасливо свернула с дороги и прошла под стеной дома.

Гунтер шумно потянул носом, вечерний воздух наполняется ароматами отварных овощей, печеной рыбы, жареного мяса, пахучим дымком дров из старых вишен.

– Люди здесь, – сказал он с сомнением, – все же нехорошие... Раз уж остались в этих краях, то им пришлось... гм, как-то с нечистью уживаться.

Я насторожился:

– Сдружились?

– Нет, – ответил он с той же запинкой, – однако... вот рыцари в горном краю Ливадии уже семьсот лет как оставили коней, сражаются только пешими, там везде камни, горы, кони не пройдут и шагу, но человек... человек везде пройдет! И рыцари там все безконные. А в Уларии голая степь, рыцарям пришлось отказаться от тяжелой брони, иначе не могли сражаться с юркими степняками на неподкованных конях... Увидите тех рыцарей – ни за что не поверите, что рыцари. Так и здесь, ваша милость, чтобы воевать с нечистью, пришлось кое-что позаимствовать у самой нечисти. Священники таких предают анафеме, а упорных жгут на кострах, но что делать, если священники поспевают не везде? Приходится крестьянам самим...

Я взглянул искоса:

– Ты вроде бы одобряешь? Нет-нет, можешь не отвечать. Я понимаю, что когда тебе и подножку, и ниже пояса, и в спину, то и ты, чтобы не проиграть, начинаешь по их правилам... но в этом есть что-то и нехорошее. Не пойму что, но не нравится это «...нам нужна победа, одна на всех, а за ценой не постоим...». Что-то в этом очень уж нехорошее. Подленькое. Нет, не подленькое – ошибочное. Иная победа хуже поражения. Здесь не слыхивали о пирровой победе? Пирровой может быть не только по людским потерям, но и... как бы это сказать... я не хотел бы оказаться победителем в бою на мечах или копьях, но потерять при этом душу. Или даже честь.

Гунтер кивнул, он отвел взор, пробурчал с неохотой:

– Вы не один такой, ваша милость. Немало христианских рыцарей отправлялись в эти края, чтобы снискать любовь Господа, признательность короля и нежный взгляд дамы сердца. Мало вернулись, но проредили нечисть так, что уцелевшая затаилась в самых дремучих лесах, укрылась в болотах, пещерах. Конечно, на одиноких нападает, но здесь никто не рискует поодиночке.

Мы въехали в середину села, оставив позади десяток домов, Зигфрид проговорил негромко, но таким напряженным голосом, что услышали все:

– Советую всем ехать, как едем. С обеих сторон в нашу сторону смотрят арбалеты.

Они с Гунтером чуть подали коней вперед и закрыли меня с обеих сторон. Я подивился, с какой легкостью и без колебаний все сделано: само собой разумеется, что сеньор первым скачет в бой, но так же само собой, что вся команда старается не дать его убить.

– Вот почему, – проговорил я, – они все еще сохраняют независимость. И почему я хочу вооружить своих крестьян хотя бы луками.

– Композитными, – пробормотал Гунтер. – Это не просто луки...

Улица впереди пустела на глазах, только однажды выскочил подросток и быстро-быстро закрыл окно толстыми ставнями из дубовой доски. Теперь и я видел блеск на отполированных

частях арбалетов. В нас целились из всех щелей, спина напряглась, а во внутренностях, напротив, разлилась неприятная слабость.

– Да, – пробормотал Зигфрид, – это было мудро, сэра Ричард.

– Что?

– Ваше решение въехать в село шагом.

– А-а-а... ну да, я же умный, сам удивляюсь. Иногда даже впадал.

У самого большого дома на пороге сидел очень дряхлый старец с седой бородой до пояса. В белой одежде, похожей на халат, он напоминал большую полярную сову.

При нашем приближении поднялся, с кряхтением перегнулся в медленном поклоне. Я помахал рукой и сказал самым доброжелательным тоном:

– Я – Ричард Длинные Руки, а теперь еще и де Амальфи. Это значит, что овладел замком, теперь вот объезжаю землю, знакомлюсь.

Гунтер проговорил с достоинством:

– Его милость не собирается здесь останавливаться, нам еще до заката смотреть кордоны с Кабаном и Тудором.

– В следующий раз, – пообещал Зигфрид, – пробуем дольше.

Я наклонил голову, подтверждая. Старик поклонился еще ниже, в его выцветших глазах я увидел огромное облегчение. Старые люди ненавидят насилие, и даже то, что сельские арбалетчики могут положить нас всех, не прибавит радости. За убитого сеньора придут мстить другие, оставят здесь только пепел, не считаясь с потерями.

На околице Тюрингем оглянулся, бледный до синевы, прошептал:

– Никогда еще так не трусил!

– Я тоже, – неожиданно сказал Ульман. – Одно дело сражаться, другое – вот так...

Я велел, не оглядываясь:

– Гунтер, ускорь подготовку лучников.

– Ваша милость, только ночью отдыхают!

– Зачем им такая роскошь? – спросил я.

От реки идут двое крепких молодых мужчин, но с совершенно белыми головами. Промокшие портки засучены до колен, у каждого мешок через плечо, там трепыхается, я уловил сильный запах рыбы. У одного еще и свернутый бредень.

С пастбища возвращается еще стадо, заполняя улицу по всю ширь, постепенно редет, со дворов слышится муканье, донеслась брань. Я оглянулся, одна корова поленилась идти до калитки, проломила ветхий плетень и пошла напрямик через огороды.

Гунтер тоже оглянулся, хохотнул:

– Вот так за лень расплачиваются! Есть коровы, что каждый день ломают. Из вредности. Проще бы поставить забор из крепких кольев.

– Уже привыкла, – заметил я. – Теперь будет ломать и колья.

Гунтер призадумался, кивнул.

– И то верно говорите, ваша милость. Надо приучать народ пораньше.

Глава 7

На холме слева проплывают развалины могучего замка, даже не развалины, каменный дом еще почти цел, только обветшал, если подправить, подлатать, заделать пару дыр в стене, снова можно гордо поднять флаг владельца.

– Странно, – заметил я, – не так уж и много работы. Группа отважных могла бы укрепиться. Места здесь сравнительно тихие! И снова начинать завоевывать мир.

Гунтер тоже посмотрел на замок, перекрестился:

– Кто знает, что там... Может быть, пытались уже не раз. Охотники за сокровищами начинают рыться по подвалам, да там и остаются. А самые счастливые хоть выбирают, так порча сжирает по дороге... Говорят, иные старые поместья прямо завалены костями.

– И что же, народ все равно лезет?

Он снова перекрестился:

– Вы же знаете людей!

– Знаю, – ответил я. – И что, крестное знамение не защищает? Как и святая вода?

Он не уловил иронии, ответил очень серьезно:

– Даже амулеты из Святой Земли не действуют. Видимо, Господь наш считает такие дела небогоугодными, нехорошими. Даже если там язычники похоронены, то и тех покой нехорошо тревожить. Если демоны наказывают обидчика, Господь за таких не вступается...

Голос прервался, лицо застыло, глаза устремлены в одну точку. Я проследил за его взглядом: в синее небо поднимаются черные струи дыма. Даже не поднимаются, а победно ввинчиваются, значит, там внизу, за деревьями много пищи для огня. Я пришпоривал коня, за спиной услышал тревожный крик Гунтера:

– Ваша милость!.. Не отрывайтесь... Отря-я-яд, от сеньора не отставать! Деревня Куманг горит!

Сильный ветер ударил в лицо, за спиной дробно стучат копыта, деревья скачками побежали в сторону, чаща – не проломиться, конь несся, выбрасывая в сторону ноги, наклонился на длинном вираже, я проверил на месте ли молот, сердце колотится часто-часто, нагнетая давление, ветер бьет в лицо все яростнее.

Лесной массив повернулся, открылась горящая деревня. Нет, горят только два дома, еще успели заняться сараи. Несколько неподвижных тел в лужах крови на улице, один прямо на пороге дома, кровь из разбитой головы заливает ступеньки. На месте двери черный пролом, торчат ноги еще одного, из дома доносится женский плач.

С молотом в руке я зло оглядывался, вроде бы удаляющийся стук копыт, затем цокот с другой стороны, появился отряд со скачущими впереди Зигфридом и Гунтером. Лучники на ходу соскакивали и бросались кто к колодцу, кто к горящим домам, молодцы, сразу видно деревенских жителей, без приказа знают, что делать, а я дурачки хлопаю глазами, умею только драться да отдавать вельможные приказы.

Зигфрид подбежал к дверям ближайшего дома, куда огонь вот-вот доберется, дернул, не поддавшись, с силой заколотил рукоятью меча.

– Вылезайте!.. разбойники убежали!.. Ваш дом сейчас загорится!

Гунтер быстро организовал цепочку от колодца, деревянные ведра передавали из рук в руки, с размаха плескали в огонь. Из забаррикадированных домов начали появляться жители, бросились кто гасить огонь, кто растаскивать сараи, чтобы не дать перекинуться огню на их хозяйство.

Пытаясь помочь, я со всей дури шархнул молотом в сарай, где уже занялась крыша. Грохот, треск, доски и разбитые жерди разлетелись в щепки, словно я вспорол огромную подушку,

набитую стружками. Народ в страхе бросился врассыпную, Гунтер заорал люто, самые смелые вернулись и принялись сбивать огонь с рассыпавшихся по земле досок.

Один дом выгорел начисто, сгорели сараи и дом кузнеца, второй удалось спасти. Гунтер привел крепкого старика с белыми волосами до плеч и коротко подрезанной белой бородой. Старик поклонился, Гунтер сказал наставительно:

– Это ваш новый лорд!.. Ричард де Амальфи. Ответствуй ему, кто был, почему напали?

Старик поклонился еще ниже, уже как хозяину.

– Люди Волка, ваша милость, – ответил он горько. – Почему напали?.. Почему нападают на тех, кто слабее?

У дымящейся ограды мужчина с плотницким топором в руках, в двух шагах старик вниз лицом, раскинутые руки загребли по горсти земли и застыли, из спины торчит оперенная стрела.

Староста развел руками:

– Враги слышали вас, ваша милость. Иначе бы всех сожгли.

Гунтер потемнел лицом, смолчал, но подошел Зигфрид, разгоряченный, но разочарованный не удалось выказать доблесть в схватке.

– Сэр Ричард, вас начинают испытывать на прочность. Как и Галантлара.

– Что от меня хотят?

Зигфрид хохотнул:

– Познакомиться!

Гунтер пояснил:

– На деревни нападали и раньше, ваша милость. У сэра Галантлара были куда богаче уголья, чем ныне. И деревень у него было, было... Но в последние годы он почти не показывался из замка, так что соседи обнаглели. Если не дать отпор, то и эту захватят. Сейчас нам просто показывают, что мы защитить ее не в силах.

Я стиснул челюсти, чувство бессилия накрыло, как холодный дождь среди открытого поля. Я в самом деле не в состоянии защитить деревни, расположенные далеко от замка. А они все далеко, что и понятно: если прямо у замка, то хоть и защищеннее, но зато развеселившийся хозяин то девок потребует себе и солдатам на потеху, то ради шутки велит кого-нибудь повесить или поставить вместо живой мишени...

– Прислать сюда лучников, – сказал я неуверенно. – Все-таки защита!

Гунтер в сомнении покачал головой.

– Ваша милость, у нас нет их столько. Вы обещали дать лучников на охрану Больших Сверчков от сэра Гуинга Одноглазого. Это значит послать всех, кто уже научился бить из составных луков. Кампа... кумпо...

– Композитных, – подсказал я.

– Да-да, их самых. Хорошие луки, ничего не скажешь! С одной стрелы прошибают рыцарские доспехи. Но научить стрелять из них не просто. Да и не каждого научишь... так что сюда послать просто некого.

Я зажмурился, помотал головой. В череп стучат горячие волны, на миг в глазах покраснело, я опомнился негоже мне, интеллигенту, впадать в примитивную ярость первобытного викинга или рыцаря, что почти одно и то же.

– Возвращаемся, – сказал я. – По дороге будем думать, как защитить своих людей. Возвращаемся! Я не могу посмотреть им в глаза и признаться, что ничего не могу поделать.

Тюрингем, стараясь быть самым услужливым из оруженосцев, то и дело заезжал далеко вперед, проверял дорогу, как он объяснял, хотя что ее проверять, едем не через дикую сельву, здесь обжитые земли, но однажды мы увидели, как несется навстречу, едва не загоня коня, с истошным криком:

– Войско сэра Гуинга Одноглазого и лорда Гелейна осадили замок волшебницы Клаудии!
Гунтер покрутил головой:

– Давно пора. После того, как граф де Гелейн выдал дочь за сэра Одноглазого, их общая мощь выросла даже больше, чем вдвое. А земли, что теперь практически под одной рукой? С трех сторон окружили клочок, на котором замок Клаудии. Ее земля как клин в их владения... Любой бы постарался округлить!

Я поинтересовался:

– А что, не отобьется? Она ж волшебница!

Гунтер подумал, сказал с осторожностью:

– Одна львица против стаи волков... Все зависит от того, сколько волков. К тому же Одноглазый и сэр Гелейн все обдумали заранее. Такие вещи рассчитываются загодя, загодя... Еще до того, как решили о женитбе, уже в планах захватили замок волшебницы и посадили туда внуков... так что не думаю, что она устоит.

Не устоит, подумал я. Слишком уверовала в свои силы, думает только, как пробраться в подвалы Галантлара, а теперь уже мои. Спит и видит, как будет там шарить, а я, прикованный к стене, стою и жалобно прошу ее дать хотя бы напиток...

Гунтер смотрел с ожиданием, в глубине глаз мелькнули веселые искорки. Я легонько сжал конские бока, единорог сделал первый скачок.

– Посмотрим, – крикнул я.

Ветер ударил в лицо с такой силой, как будто я налетел на подушку безопасности. Пригнувшись, я несколько мгновений слушал стук копыт, выпрямился, и конь, выскочив на вершину холма, тут же остановился.

По ту сторону долины на таком же пологом холме чистым желтым огнем горит в лучах полуденного солнца изумительный замок. Прошлый раз я видел его в лучах заходящего солнца, тогда он казался высеченным из непомерно огромного рубина: красный, даже багровый, а сейчас как будто из непомерно огромной глыбы янтаря изумительной красоты...

Внизу в долине шесть серых требушетов, все установлены в ровную линию. Требушеты похожи на колодезных журавлей, жуткий скрип доносится даже сюда. Я видел, как длинная неопрятная ложка описала дугу, вылетел огромный камень и понесся в сторону замка. Я машинально проследил за ним взглядом, камень уменьшался в размерах, донесся глухой стук. Не видно, появилась ли вмятина на янтарной стене, но, возможно, один из блоков в стене треснул. Внизу целая россыпь этих массивных булыжников, похожих на гору гниющего мусора. Когда стена будет разрушена хотя бы наполовину, по этой горке вскарабкаются нападающие.

Перед требушетами мельтешат крохотные фигурки всадников, пеших ратников. Все пялятся на замок, вылазки не ждут, иначе выслали бы на охрану дорогих метательных машин народу побольше. Один всадник понесся в сторону замка, что-то выкрикивает, машет руками.

По эту сторону требушетов в полусотне шагов два шатра: ярко красный и красный с оранжевым. Красный побольше, что естественно, да не сравняется вассал даже в такой мелочи с господином, костры, вокруг огня народ, что-то жарят, пекут, просто жгут поленья, бездумно glareют в огонь. Чувствуют себя вольготно, сволочи.

За спиной простучали копыта, на взмыленных конях появились Гунтер, Зигфрид. В глазах Гунтера я увидел страх и почтение, Зигфрид смотрит почти с ужасом.

– Что у вас... за конь... – прохрипел он.

А Гунтер сразу сказал деловито:

– В красном – Конкейн, брат Гуинга Одноглазого, в оранжевом – Орандж, он всегда носит цвета своего имени. Неистовый воин, страшный в бою, с ним всегда его два брата. Им навстречу лучше не попадаться.

Зигфрид добавил с осторожностью:

– Да и вообще там человек сорок, если не пятьдесят.

– Но рыцарей только пятеро? – уточнил я.

– Не меньше, – согласился Гунтер. – Это Конкейн, Орандж с братьями, но среди тех, кто у костра, могут оказаться два-три однощитовых рыцаря.

Я задумался. Рыцари, как уже знаю по школьным урокам истории – товар штучный, не так просто собрать рыцарей в одном месте больше трех, если не для пира или турнира. В тыща двести девяносто пятом году в Эссексе, крупном графстве Англии, было всего двадцать четыре рыцаря, не считая одиннадцати старых и больных, которые не в состоянии были даже взобраться на коня, а все потому, что снарядить рыцаря дороже, чем в нынешней деревне купить бронетранспортер. В сражении при Линкольне, едва ли не самой крупной битве в Англии в тыща двести семьдесят первом, с одной стороны, яростно сражались восемьсот рыцарей, с другой – шестьсот. Погиб только один рыцарь, да и это считалось крупной потерей. Правда, сколько полегло простых воинов никто не считал, да и зачем – простых набрать и снарядить проще простого. Простых везде, как мух. И берутся откуда-то сами, как мухи.

– Похоже, – признал я, – леди Клаудии придется туго.

– Не просто туго, – сказал Гунтер с удовлетворением.

Я молчал, стараясь врубиться в ситуацию, но в голове пусто, ведь женщины и мысли вместе не приходят. В жизни обманывают только три вещи: часы, весы и женщины, видимо, этот Конкейн решил ответить на обман чисто по-мужски. Вроде бы и нехорошо так поступать с женщиной, все-таки слабый пол, но если этот слабый пол вздумать играть по правилам сильного, то что ж...

Зигфрид быстрым взглядом окинул расположение требушетов, количество всадников.

– Ей не выстоять, – произнес он. – Не знаю, что у нее за колдовство внутри замка, но отсюда ее замок разнесут по камешку.

– Не за одну неделю, – предположил я.

– Да хоть за год, – сказал он. – Насколько я слышал, у нее нет друзей?

– На помощь никто не придет, – подтвердил Гунтер злорадно. – Она всегда держалась от всех в сторонке. Все-таки... гм... колдунья, а здесь земли христианские...

– Зря не вышла замуж, – сказал я. – За кого-нибудь из соседних лордов. Или за дальних – неважно. Военская мощь колдовству не помеха.

Гунтер хмыкнул.

– Иногда женщина не может найти себе мужа в мужья потому, что пьяные ей не нравятся, а трезвым не нравится она.

– Но она достаточно красива, – заметил я.

– Да, но колдуний у нас боятся... А ж говорю, что только по пьяни, когда ничего не страшно...

Даже в этом мире, мелькнула мысль, где еще не установились общие законы, а всяк феодал вводит свои, существует все же некая база, которой придерживаются все, пусть даже инстинктивно. Одни из таких законов зовутся моральными, это те, которые внутри нас, а другие – житейские, в том числе и такие, что всяк охраняет свой замок, не прочь, чтобы все остальные сгорели синим пламенем, однако же худой мир лучше доброй ссоры, и потому ссора со старым соседом хуже, чем с неизвестным, вторгшимся пусть даже к соседям.

Потому в этом крае, как и везде, сложилось некое равновесие, все следят друг за другом, никто не хочет, чтобы сосед вдруг внезапно нарастил мускулы, захватив замок другого соседа. Не потому, что тот был хороший, а потому что растолстевший захватчик теперь сможет угрожать и мне...

Авантюрист либо должен пытаться захватить чужой замок с наскока, успеть до того, пока не подойдут с войсками соседние лорды и не заставят снять осаду, либо...

Гунтер повторил за спиной с нескрываемым злорадством:

– Теперь ей точно каюк.

Я вздохнул, окинул взглядом янтарный замок. Солнце чуть изменило угол, и стены заблестели чистейшим золотом. У меня чаще застучало сердце, словно смотрю на дивное произведение искусства.

– Но взять не просто.

– Камней вдоволь, – заметил Гунтер. – И дерева, из которого можно построить еще требушеты.

– А ее колдовство?

– Сюда не достанет, – заверил Гунтер. – Волшебники сильны только у себя, где все камни пропитаны магией. Но и там не спастись, вон Конкейн привел священника, видите? Тот с тонзурой рассеет все чары. Или хотя бы большую часть.

Я оглянулся на темно-зеленую стену леса. Над вершинами встревожено кружат птицы, не решаясь опуститься в гнезда.

– Тудор и Кабан в той стороне?

– Да, – ответил Гунтер, – но на помощь не придут, если об этом думаете. А в том березняке сейчас кто-то из людей барона де Пусе. Уж я его хитрые повадки знаю. Смотрят, потом поскачут с донесением к барону.

– Подумал, – признался я. – А что?

– Не придут, – убежденно повторил Гунтер.

– Здесь нет взаимовыручки?

– Только не с колдуньей, – сказал он с отвращением. – До этого она как-то ладила с Галантларом... Даже не ладила, у них была своя война друг с другом, но все-таки колдуны, друг друга поддерживали. А теперь одна. Конкейн просто успел напасть на нее первым. А так бы и Кабан тоже мог бы попытаться, хотя у него сейчас людей хватит только для обороны своего замка, но не для осады чужого.

– Значит, – произнес я, – выполняя в уме несложные подсчеты, – среди осаждающих рыцарей не больше восьми, это максимум... А вообще будем надеяться на пятерых. А раз однощитовые, то... однощитовые и есть однощитовые.

Я не хотел, чтобы звучало уничижительно, вон Зигфрид тоже однощитовик, но, с другой стороны, Зигфрид так и не сумел нигде закрепиться, как сеньор, что тоже черточка к характеру.

Гунтер кивнул:

– Пятерых? Хорошо, но будем готовы и к восьми. Ваша милость, мы последуем за вами хоть к черту в пекло. Но все-таки помните, мы с Ульманом не настолько хороши против рыцарей, как против таких же, как мы сами.

– Теперь ты рыцарь, – напомнил я.

Гунтер выпрямился, глаза сверкнули:

– Я не посрамлю, ваша милость!

– Он не отстанет, – подтвердил Зигфрид покровительственно. – Наш Гунтер слишком скромничает.

Я оглянулся, Ульман, Тюрингем и лучники уже подъехали, позвал Ульмана.

– Видишь вон тех мерзавцев?..

Ульман посмотрел на осаждающих, потом на мой палец, снова на ведущих осаду, выискивая мерзавцев, но, судя по его честному лицу, увидел лишь большой отряд воинов под началом рыцарей, что осаждают замок проклятой колдуньи.

– Доставайте тетивы, – велел я, – готовьте стрелы. Сейчас проверим, научил ли вас чему-нибудь Гунтер. Ваша задача – поразить как можно больше этих героев, что напали на одинокую женщину. Не старайтесь достать рыцарей, у них настоящие доспехи, только стрелы зря изведете.

Ульман продолжал смотреть на требушеты и людей вокруг них тем взглядом, каким мясник осматривает приведенных на бойню коров.

– Эти луки пробивают и рыцарские доспехи!

– Но не всегда, – поправил я, – и не наверняка. Так что пока бейте всех прочих, у кого в руках оружие. Их вам сразить проще. А мы постараемся вывести из строя рыцарей.

Он посмотрел на меня с опаской:

– Втроем на пятерых? Это не турнир, ваша милость!.. К тому же там могут оказаться еще рыцари. Мы не видим, кто в шатрах.

Гунтер вклинился в разговор:

– Вот так и нападём?

– А что бы ты хотел? – спросил я.

Он пожал плечами.

– Ну, я слышал, рыцари бросают друг другу вызовы... Даже перчатки прямо в морды!

– Обойдутся, – ответил я твердо. – Так на всех перчаток не напасешься! Одну бросишь, а что со второй делать? Кто ее купит без пары? Эти trebuшетные герои вызов бросали, прежде чем напасть на слабую бедную женщину? Да еще и красивую? Шерше ля фам, то есть на войне, как на войне.

Гунтер и Зигфрид опустили забрала, пальцы на древках копий сжались так, что побелели костяшки. Я за их спинами вытащил из чехла лук Арианта, а когда пустили коней с холма, быстро наложил стрелу.

– Начали!

Стрела исчезла, звонко щелкнув тетивой по кожаной перчатке. Справа и слева треск сгибаемых луков, сухие щелчки, свист стрел. В небо взвился плотный рой и начал расходиться в стороны, пальцы выхватили вторую стрелу, быстро наложили на тетиву, одним движением отодвинул правую руку вперед.

Вторая и третья стрела еще в воздухе, когда моя первая ударила в шлем высокого рыцаря у trebuшета. Он только-только услышал топот рыцарских коней, обернулся, сдвинулся в сторону, быстро выхватывая меч, я поморщился, стрела пройдет мимо... однако то ли я промахнулся, то еще чего, но стрела ударила в то место, которое я держал взглядом.

Сердце стучит часто, чуть не захлебывается, вторая стрела ударила другого, а третья поразила тоже рыцаря. Именно в голову, как я и хотел. В этот момент Гунтер и Зигфрид уже налетели на trebuшеты, стрелять поздно, я вскочил в седло, конь сразу же ринулся с холма, земля замелькала под копытами, как шоссе на высокой скорости.

Я едва успел спрятать лук и выхватить меч, единорог ворвался в толпу воинов, где свирепствовали Гунтер и Зигфрид. Вдвоем завалили могучего рыцаря, еще одного стоптал мой конь, опрокинув вместе с яростно визжащим жеребцом, следующего я достал кончиком меча по плечу. И тут раздался крик, воины начали опускаться на колени с криками: «Сдаемся!.. Сдаемся!»

– Прекратить! – заорал я во всю мощь легких. – Они сдаются!

Гунтер и Зигфрид опустили мечи, оба тяжело дышат, еще не верят, что получилось так быстро и просто. У обоих помятые доспехи, но чужие рыцари повержены все, потому простые латники с такой готовностью побросали оружие.

С холма торопливо бегут наши лучники. Коленопреклоненными, то есть сдающимися в плен, мы насчитали тридцать человек, на земле стонут и корчатся раненые стрелами, я кивнул пленным, чтобы они сами же занялись своими ранеными, несколько человек с готовностью поспешили им на помощь. Гунтер и Ульман с подозрением осматривали павших рыцарей. Трое убиты моими стрелами, еще двое пострадали от моего меча, живы, но у одного разрублено плечо, второй стонет на земле, ударившись с такой силой, что как бы не сломал позвоночник. Шестой уже не поднимется: Гунтер раскроил ему череп боевым топором, а Зигфрид нанес с правого плеча ужасающую рану почти до середины грудной клетки, вот уж не думал, что рыцарь обладает таким ужасающе точным и сильным ударом.

Я велел лучникам:

– Возьмите топоры и разрушьте все требушеты!

Гунтер вмешался:

– Проще сжечь, ваша милость.

– Молодец, – одобрил я. – Гунтер, ты не жмись, поправляй всегда, когда брякну. А брякнуть можно только дурусь, верно?

– Это не дурусь, – сказал он смущенно, – просто сжечь быстрее.

– Я и говорю, молодец!

Зигфрид перевернул раненого в плечо, а разбившегося при падении приподнял и усадил, прислонив спиной к огромному валуну. Раненый застонал, с трудом вскинул руку. Зигфрид усадил и его, я соскочил с коня.

– Ну что, орлы, – поинтересовался я, – не выгорело?

Первый рыцарь смотрел на меня затуманенными болью глазами:

– Кто вы... сэръ? Почему?

Я подошел ближе, смотрит без ненависти, в голубых глазах недоумение и страдание. Кровь все течет, уже не спасти, разве что быстро высвободить из железной раковины, разрубленной моим мечом, и сразу же на стол хирурга.

– Я не считаю правильным нападать на одинокую леди, – ответил я. – Сиди тихо.

Глава 8

Я опустил перед ним на колено, хотел было возложить на железные плечи ладони, заколебался, двое стрелков поняли, мигом сорвали шлем, потные светлые волосы хлынули такой волной, словно передо мной Жанна д'Арк или Ким Бессинджер. Он зло свернул глазами, но я властно опустил ладонь на лоб.

– Терпи, чадо неразумное.

Он дернулся, застыл. Я подержал пару секунд, оглянулся на второго. Зигфрид заботливо придерживает, все рыцари – братья, тот все пытался завалиться в сторону. С него тоже сорвали шлем, я возложил ладонь, ощутил слабость, этого расшибли куда серьезнее, явно сращиваю кости и внутренние органы, даже затошнило чуточку, перевел дыхание и отступил.

Первый вздрогнул, подвигал руками и шеей, проверяя себя. Медленно поднялся.

– Кто вы, сэр? – повторил он уже со страхом.

– Ричард де Амальфи, – ответил я. – Просто еду мимо, на птичек смотрю. Не скажу, что мы с леди Клаудией друзья... но повторяю, с моих христианских и вообще богоугодных позиций... эх, услышал бы меня отец Дитрих!.. я считаю, что недостойно нападать на одинокую женщину. Я вас вылечил, но вы все еще мои пленники. Не могу остаться здесь, чтобы вас держать за руки, нам ехать дальше. Так что выбирайте: либо повешу прямо здесь, либо даете клятву никогда не воевать против леди Клаудии.

Они переглянулись, помялись, первый сказал хмуро:

– Глупо лечить от тяжелой раны, чтобы повесить... Но если другого выбора нет, то я даю клятву.

– Как? – переспросил я.

Он вздохнул, взял в правую руку нагрудный крестик и сказал громко:

– Именем Господа клянусь, что если захочу выступить против леди Клаудии, то сперва испрошу у вас освобождение от моей клятвы.

Я подумал, кивнул:

– Логично. Это даже лучше, признаю. А то вдруг в самом деле леди и мне покажет ядовитые зубки... Ну а вы, благородный рыцарь?

Второй посмотрел на первого, сказал совсем желчно:

– На этом кресте Господом клянусь, что без вашего позволения ни словом, ни делом не причиню леди Клаудии вреда. Только на вашем месте, сэр, я бы поостерегся...

Я спросил с подозрением:

– Чего?

– Сделать женщину счастливой очень легко, – пояснил он. – Только это бывает очень дорого.

Я вздохнул с облегчением:

– Ах, это... Учту. На этом и покончим. А то мне, право, совестно брать с вас какие-то клятвы, как будто вы и без клятв не поступили бы именно так, как велит вам совесть порядочных людей. Мы вас оставляем здесь... В смысле, у вас тут дела уже другие, нетребушечные, а мы едем дальше. Пленных ратников связать и отправить под охраной в Амальфи, там решим их судьбу. Думаю, половина, если не больше, восхочет наняться к нам. Кстати, священник куда делся?

Ульман ответил раздраженно:

– Скрылся, как сквозь землю провалился! Да и священник ли? Что-то не верится. Священников люди с крестами на плащах не бьют, так он явно не совсем священник...

Остальные переглядывались, переставали улыбаться. Гунтер напомнил:

– Ваша милость, доспехи!

– Что? – не понял я.

– Доспехи побежденного – добыча!

Я отмахнулся.

– А у нас доспехи не лучше?.. Разве что коней... ладно, собирайте, что хотите, только быстро.

Стрелки, быстро обшарив карманы убитых и пленных, собрали монеты и, когда Зигфрид и Гунтер осмотрели и отобрали двух коней, уже сидели в седлах. Гунтер с жалостью оглянулся на сказочный замок.

– Ваша милость, к спасенной даже не заглянем?

– Не приглашали, – напомнил я.

– Так пригласят! Просто не успели.

– А колдовства не страшишься?

Он заколебался, сказал уже нерешительно:

– Но мы же ее спасли! Не станет же...

– Мы поедем мимо и дальше, – ответил я гордо. – Так красивше, понял? Рыцари должны быть красивыми. Умными пусть другие, кому они нужны, умники, а вот красивые – нарасхват. А теперь еще и обязательно – сексуальные.

– Истинную правду говорите, ваша милость, – сказал кто-то за спиной подобострастно. – Про умных кто вспомнит, о красивых – поют!

Все в седлах, заводные кони на длинных поводях, стрелки хвастаются наперебой, кто кого сшиб с седла, все восторгаются неожиданно быстрой и легкой победой. Лишь двое получили небольшие ранения, даже не раны, а ушибы, да еще Гунтер и Зигфрид выдержали несколько тяжелых ударов. У Гунтера кровь из носа, я хотел полечить, но он воспротивился, мол уже зажило, а вам, ваша милость, надо поберечь силы.

Мне казалось, что в окнах высокой башни замка поблескивает солнечный зайчик, но вряд ли у леди Клаудии есть подзорная труба... хотя у волшебницы все может оказаться.

Шли на рысях, напрямик не получится, сперва река с обрывистым берегом, потом небольшая пологая гора с неприятным косогором, где не только сапоги стопчешь, но и шею свихнешь.

А когда наконец гора растаяла, как пластилин под жарким солнцем, а река милостиво предложила брод, на другой стороне совсем близко во всей грозной красоте поднялся огромный замок, сложенный очень тщательно из массивных глыб, обработанных с ювелирной тщательностью.

– Замок барона Тудора по прозвищу Глиняный Берег, – объяснил Гунтер почтительно и напомнил: – Все века этой землей владеют Тудоры.

Я придержал коня, с некоторой завистью рассматривая замок, самый классический замок, в классическом понимании. То есть возведен в наиболее стратегически важном месте: на высоком холме, с трех сторон обрывистые склоны, пологий только с одной, рядом река да еще удобная дорога, где веками, если не тысячелетиями, идут караваны. Понятно, что владельцу и его отряду разбойников потребовались кузнецы, оружейники, булочники, кожевники, конюхи, что сперва селились в самом замке, а потом уже и за его пределами.

Теперь это уже целый город вокруг замка. Правда, город еще в том старом значении, когда горожане кормятся с огородов, у них пашни, сады, домашний скот и несметные стада уток и гусей. Пройдут десятилетия или даже века, город разрастется еще, уже сам защитится высокой крепостной стеной, а потом дома станут появляться и по эту сторону стены. Ведь сейчас трудно поверить, но когда-то все население Москвы жило за стенами кремля, который теперь пишем с прописной, чтобы отличать от всех остальных кремлей: ростовских, новго-

родских, орловских, владимирских... Сейчас Кремль – крохотное пятнышко на территории огромного мегаполиса.

Можно даже сказать, где будет крепостная стена: вон прямо от реки, чтобы заодно отгородиться еще и глубоким рвом, пустив в него реку.

– Молодцы, – признал я. – Верное решение. А у меня не замок, а черт знает что!..

Гунтер посмотрел, возражать не стал, все верно, здесь город под защитой могучего замка и его гарнизона, а у нас, увы – один замок, города нет вовсе, все деревушки и села живут обособленно, своего сюзерена страшатся едва ли не больше, чем враждебных соседей.

– Здесь барон Тудор, – сказал он так, словно я сразу должен был сказать «ага» и снять шляпу. – Сам он силен, свиреп и бесстрашен, у него под рукой отряд головорезов, что пойдет за ним в огонь и воду.

– А он какие деревни у меня оттяпал?

Гунтер качнул головой, ухмыльнулся:

– Никакие. Он недавно вернулся из долгого путешествия в Скрытые земли. Переведет дух, залечит раны, снова отправится. Наши мелочи его не интересуют.

Дальнозоркий Ульман сказал с тревогой:

– Нас заметили!

– Ну и что? – спросил я. – Мы на своей земле?

– Да, но...

– Что?

– Тревожно как-то. До его замка ближе, чем до нашего.

Я посмотрел на крепостную стену, темные фигурки двигаются, вроде бы указывают в нашу сторону. Ульман что-то говорил, я повернул коня в сторону замка. Гунтер, что неожиданно остался на месте, догнал, с тревогой заглянул мне в лицо. Я вздохнул:

– Надо напросьиться к ним на разговор. Этот хотя бы не враг.

– Ваша милость... Но зачем?

– Гунтер, меня тоже интересуют эти Скрытые земли.

Он покачал головой.

– Правда? Вы никогда не говорили.

Да, хотел было ответить я, потому что впервые о них слышу, но лишь выпрямился, загадочно усмехнулся и вперил взор в приближающиеся ворота. Дорога поднимается, мы выехали на самый верх вала, дальше глубокий ров с темной, но не пахнувшей водой, довольно широкий, берега обрывистые, не выбраться. Дощатый мост поднят, решетка опущена, на воротах рядом с одинокой фигурой появились несколько человек, я видел, как нагибаются, и даже услышал скрип натягиваемых арбалетов.

Громкий голос прозвучал строго и требовательно:

– Назовитесь, благородный сэра!

Я выпрямился, открыл рот, но Гунтер остановил меня взмахом руки.

– Погодите, ваша милость. Я кое-что слышал про обитателей этого замка... Позвольте мне.

– Вали, – буркнул я.

Он выехал вперед и прокричал непривычно бундючно и напыщенно:

– Благородный сэра Ричард де Амальфи желает выказать почтение благородному сэру Тудору и заверить в дружественных чувствах и желании жить в мире и добрососедстве.

На воротах один из стражников исчез, мы ждали терпеливо, пока приведут старшего, никто нас не ждет, надо посоветоваться с руководством, руководство с еще более высокими боссами: никто не желает брать на себя ответственность, что впустили тех, кого впускать нежелательно.

Гунтер смотрел на замок холодно и бесстрастно, я тоже напустил на себя вид благородного человека, что значит, выдвинул вперед нижнюю челюсть и постарался смотреть на все, как глядит верблюд на весь мир.

Минут через десять решетка ворот заскрипела и начала подниматься. Некоторое время ползла вверх, я это видел, но проход оставался закрытым, наконец появились на свет толстые железные штыри в руку толщиной с острыми, как у копий, кончиками.

Мы медленно пустили коней, копыта звонко стучали по брусчатке, а на границе ворот звонко ударили по металлу. Я невольно скосил глаза вниз, в широкий металлической плите, вмурованной в земли и стиснутой булыжниками, чернеют отверстия, откуда вылезли длинные копыта решетки.

За спиной решетка опустилась с тяжелым грохотом. Мы остановили коней в каменном туннеле башни, впереди светит залитый солнцем двор, тоже вымощенный булыжником, решетка поднята, лишь зловеще блестят на солнце острые кончики. Если обрушится в то время, когда будем проезжать, нас пронзит вместе с конями.

Со стороны двора показался человек в легких доспехах, помахал нам.

– Доблестные рыцари! Проезжайте во двор. Нет-нет, здесь не сдают мечи на входе. Все остальные пусть заезжают тоже. У нас хватит места, чтобы накормить всех.

Гунтер с облегчением вздохнул, все мы без оружия чувствуем себя почти не мужчинами. Кони охотно вынесли во внутренний двор. Набежала толпа расторопных слуг.

– Мы позаботимся, – сказал один торопливо. – Будут накормлены и напоены. Славный у вас конь, ваша милость!.. Таких, почитай в этих краях лет сто не видели.

– Конь как конь, – буркнул я. – У вас разве не все такие?

Навстречу вышел пышно одетый дворецкий, старый и дряхлый настолько, что не отходил от дверей, чтобы не рассыпаться от ветра. Проблеял дребезжащим голосом:

– Лорд Тудор а ля-Герд, изволит вас, доблестные рыцари, принять в малом кабинете. Следуйте за мной.

Гунтер тихонечко отступил, Зигфрид занял его место, все-таки он рыцарь из рыцарского рода, я ответил дворецкому учтиво:

– Следуем.

– Ваши люди останутся здесь, – предупредил он дребезжащим голосом. – За них не беспокойтесь.

– Что вы, что вы, – сказал я учтиво, хотя на душе заскребли кошки.

На удивление, булыжником вымощена не узкая дорожка, а вся площадь перед донжоном. Дворецкий шел медленно, с трудом, я видел, как хочется остановиться, перевести дух, чуть было не подхватил его под локоть, но здесь такое не принято, и хотя фронтир, но уже четкая граница между господами и слугами, так что топай, Ричард из Амальфи, ты теперь уже не просто Ричард, а Ричард де.

Рядом со мной идет, тоже выпятив подбородок, Зигфрид, а Гунтер увильнул, остался с лучниками. Распахнулись огромные двери, больше похожие на ворота. Мы вошли, задирая головы, надо выглядеть сурово и внушительно, даже внушающе.

Дворецкий провозгласил:

– Ричард де Амальфи, гость благородного Тудора а ля-Герда!..

Люди в одеждах несколько старомодного покроя поклонились, отступили к стенам, давая дорогу. Я огляделся, где же сам хозяин, но дворецкий повел сквозь расступившихся дальше, мы с Зигфридом старались особо не рассматривать обстановку, не деревенщины, но я был впечатлен: замок изнутри куда богаче и значительнее, чем снаружи. Огромный холл, знамена, прапора и гербы на щитах, многие щиты со следами жестоких боев, два вообще расколоты: то ли взяты в боях от знатных врагов, то ли достались как реликвии прадедов, много развешанного по стенам оружия, везде роскошные гобелены.

Лестница повела на второй этаж, я уж подумал, что придется дворецкого вносить на руках, но дед как-то собрался, поднялся, лишь вроде бы слегка и ненадолго зависал на перилах. Мы прошли через афиладу небольших залов, уставленных рыцарскими статуями в нишах. Из стен торчат медные светильники старинной и очень искусной работы, горят через один, вообще-то зря, из узких окон и так льется достаточно яркий свет.

Мы остановились перед богато украшенной львами, коронами и скрещенными мечами дверью киноарного цвета. Дворецкий перевел дыхание, с трудом распахнул обе половинки и провозгласил достаточно громко, хотя и дребезжаще:

– Сэр Ричард де Амальфи к лорду Устинаксу!

Почему к Устинаксу, успел подумать я, но повинуюсь взгляду Зигфрида, вместе с ним шагнул в помещение, названное дворецким кабинетом. Если не обращать внимание на размеры, это в самом деле кабинет: огромный стол с письменными приборами, старинные шкафы с обилием книг, часть книг на столе, часть стопкой на соседнем столике.

За столом в массивном кресле восседает, глядя строго и неприязненно, совершенно седой, очень старый человек с высохшим пергаментным лицом. Длинные волосы падают на плечи жидкими прядями, плечи покрывает меховая мантия, это понятно, стариков кровь уже не греет, щеки запали, нос крючком, но глаза смотрят интенсивно, в них ни грана старческой немощи, слабоумия.

Дворецкий еще раз провозгласил:

– Сэр Ричард де Амальфи со своим спутником сэром Зигфридом!

Старик несколько мгновений рассматривал нас, наконец сделал небрежное движение дланью.

– Возьми, – произнес он тоже дребезжащим, но тем не менее властным голосом, – сэра Зигфрида и... займи его чем-нибудь.

Дворецкий вопросительно взглянул на Зигфрида, тот нахмурился, вздернул голову, реагируя на оскорбление, молча повернулся и вышел. Когда дворецкий прикрыл за ними обоими дверь, старик сказал так же ровно:

– Мой сын Тудор, едва вернувшись из дальних земель, сейчас гоняет в лесу какого-нибудь несчастного оленя. Или кабана. В таких случаях замок снова на мне, как было все это время.

Я учтиво поклонился:

– Уверен, что в такие дни он в более умелых руках.

– Умелых в чем? – спросил он.

– В управлении, – пояснил я. – Гонять оленей и воевать можем все, для этого не нужно ни ума, ни умения. А вот управлению нужно учиться долго и старательно. Да и то получится не у всех.

Он некоторое время рассматривал меня из-под снежно белых бровей, на фоне жидких волос, где просвечивает розовая лысина, брови выглядят заснеженными торосами, наконец милостиво указал взглядом на кресло сбоку от стола.

– Вы можете сесть, сэр...

– Ричард, – подсказал я. – Ричард Длинные Руки.

– Сэр Ричард, – повторил он. – До нас уже дошли слухи, что замок Амальфи поменял хозяина. Не могу судить пока, к добру это или к худу, с прежним хозяином вообще не имели дела. Ни дружбы, ни вражды, что, сами понимаете, уже хорошо в наше время.

Я вежливо наклонил голову:

– Вы совершенно правы.

– А сейчас вы с визитом дружбы?

– Да, – подтвердил я. – Будучи наслышанным о доблести и благородстве сэра Тудора, счел долгом первым засвидетельствовать почтение ему и заверить, что ни в коем случае не хотел бы оказаться ему врагом.

Старый лорд несколько мгновений рассматривал меня молча, а я рассматривал его. Он выглядел как генерал елизаветинской, а то и вовсе екатериненской эпохи, предельно чопорный, строгий, оскорбительно учтивый, но в то же время защищен возрастом и положением, так что я сидел с самым непроницаемым лицом, подпустив в него почтительности, и старался выглядеть предельно корректно, то есть чтобы по моему виду ничего нельзя было понять, угадать, сообразить.

– Раз уж вы сумели справиться с Галантларом, – проговорил он наконец, – то у вас нет нужды страшиться моего сына.

Я улыбнулся как можно правильнее, в меру сдержанно, с точно отмеренно долей почтительности, чтобы не дай бог не показалась угодливостью.

– Я вообще не хочу ни с кем ссориться. И хочу со всеми дружить. По крайней мере, жить в мире. Вот такой у меня миролюбивый нрав.

Он остро взглянул в мое лицо.

– Я слышал, вы повесили молодого Генриха Гунландского, премянника сэра Гуинга Одноглазого. Тот в ярости, уже послал за своей родней. Они придут со своими отрядами.

– Встретим достойно, – заверил я. – Я еду-еду не свищу, а как наеду – не спущу. Желание жить в мире вовсе не значит, что дам сесть на шею и свесить ноги.

Он рассматривал меня все так же интенсивно, затем что-то в пергаментном лице изменилось, губы чуть дрогнули в подобии намека на усмешку.

– Странные речи от столь молодого рыцаря... Всяк рыцарь стремится в бой! Добро пожаловать в наш замок, сэр Ричард!.. Не соизволите с нами отобедать?

– Сочту за честь, – ответил я.

Глава 9

Обед накрыли в большом зале, очень строгом, церемонном настолько, что напоминает церковь, даже костел, только со стен вместо икон смотрят портреты благородных рыцарей, в чертах которых я находил фамильное сходство с сэром Устинаксом. Посреди стола подсвечник с дюжиной свечей, на стенах ровно горят светильники, по комнате плывет аромат восточных пряностей.

Трое молчаливых слуг появлялись и пропадали бесшумно, вышколенные так, что я начинал чувствовать себя несколько не в своей тарелке, будто время сдвинулось на пару веков назад.

Мы сидели на противоположных концах настолько длинного стола, что если бы сэр Устинакс попросил меня передать солонку, я попросил бы привести коня и сел верхом. К счастью, за спинкой его кресла стоят двое молчаливых слуг, за моей, наверное, тоже, не знаю, не оглядываюсь, вертеть головой неприлично.

Сэр Устинакс посматривал из-под снежных бровей, я старался держаться по-рыцарски, кромсал мясо своим длинным ножом, шумно обгрызал мясо с костей и бросал под стол, где тут же появились два пса, однако в чем-то прокололся, хозяин снова улыбнулся чуть-чуть, взор потеплел.

– Как вам мясо оленя, сэр Ричард?

– Превосходно, – отозвался я с энтузиазмом. – Чувствуется, что убито доблестным охотником после долгой скачки по лесу и по оврагам!

Он кивнул.

– Угадали. А отведайте вот это не столь благородное мясо. Это простая телятина.

Телятина таяла во рту, Устинакс понаблюдал за мной с интересом, в глазах проступило понимание.

– А как это?

– Конечно же, – ответил я, – оно целиком и полностью уступает вкусу мяса зверя, убитого на охоте... но я – паладин, а паладины должны смирять свои желания и вкусы. Потому я заявляю, что благородное мясо красиво убитого на охоте оленя пусть едят более достойные, а я довольствуюсь телятиной. А это рядом гусь, подстреленный вашими охотниками?

– Да, – ответил сэр Устинакс и посмотрел вопрошающе, – но если вы предпочтете птицу попроще...

– Да, – ответил я поспешно. – Устав моего паладинства велит быть проще и ближе к простым людям, которых защищаю со всем смирением и кротостью. Мне бы лучше обыкновенного домашнего гуся, откормленного в тесной клетке орехами. Или молодого каплуна.

– А зажаренный в масле из виноградных косточек пойдет?

– Вполне, – сказал я небрежно. – Убитых на охоте жилистых птиц да еще зажаренных прямо в лесу на углях костра, пусть едят настоящие мужчины, доблестные рыцари и отважные охотники, а я, не стремящийся к героизму, как-нибудь перебыюсь зажаренным на простой сковороде. Не постыжусь даже посолить, поперчить и посыпать зеленью.

Он кивнул:

– Наши вкусы сходятся. Я допускаю возможность, что с таким соседом мы поладить сможем... при определенных обстоятельствах.

Вышколенные слуги заносили на серебряных подносах блюда с изысканными кушаньями, а не какой-нибудь едой, я еще по нежным ароматам определял, что здесь ценят не только сервировку, но и качество: молодой каплун – просто чудо, мелкие обжаренные пташки тоже таяли во рту, я уже не считал, сколько пожрал их, будто приехал с Крайнего Севера в столицу, все это запивалось превосходнейшим вином – легким, чистым, с дивным ароматом.

За окном раздался хриплый рев охотничьего рога. Устинакс не повел и бровью, но появившийся дворецкий молча поклонился, словно испрашивая разрешения удалиться, отступил и растушевался за пределами бокового зрения.

Я застыл с наколотым на острие ножа куском сочного мяса.

– Надеюсь, ничего враждебного?

Он скупо улыбнулся:

– Сын возвращается с охоты.

Я посмотрел на стол, на хозяина, показалось, что чего-то ждет, спросил осторожно:

– Может быть, его нужно встретить?

Он покачал головой.

– Это необязательно, но... может быть любопытным. Вас проводят, сэра Ричард. А я... подожду сына здесь.

Снова с тем же дворецким спустились во двор в тот момент, когда из-под арки снаружи въезжали рыцари.

Впереди на огромном гнедом жеребце слегка покачивался в такт коню рослый воин с непокрытой головой, короткие седые волосы и такая же короткая седая бородка. Вернее, седые волосы переходят в такие же на щеках и подбородке, а сожженное солнцем красно-коричневое лицо кажется обрамленным белой шерстью. Тонкая кольчуга блестит, как рыба чешуя, из доспехов только на плечах стальные пластины да от локтя до кисти такие же щитки, сапоги из толстой кожи в стременах выглядят как влитые, конь идет гордо, в глазах здоровый блеск и желание подраться с другими жеребцами.

За рыцарем целый отряд, шумные и веселые, у многих к седлам приторочены туши косуль, зайцев, но я смотрел с изумлением на Тудора. Он стар, безумно стар, однако в изрезанном морщинами лице столько жизни и веселой ярости, что хватит на весь отряд. Он широко улыбнулся, зубы блеснули странно белые, крупные, неизъеденные, а здоровье исходит не только от лица, а вообще от всей фигуры, как пар из кипящего котла. В то время как некоторые всадники, притомившись, сидят, распустив животы, этот с прямой спиной, едва не прирывает в стременах от избытка сил и энергии.

Он лихо соскочил на землю, я поразился легкости движений, снова и снова всматривался в красивое мужественное лицо. Да, много шрамов и шрафиков, но не от падения пьяной мордой на камни: следы от железа ни с чем не спутаешь, а вон та белая звездочка – отметина от попавшей стрелы. Хорошо, морда у Тудора как вырезана из старого дуба, другому бы уже разнесли голову, как переспелый арбуз, а этот отделяется легкими ранами. А может, и серьезными, но, как видно, не потерял ни удали, ни веселья.

Когда-то белая туника вся в следах ржавчины, кое-где небрежно заштопана. Вообще-то сейчас Тудор мог бы и побогаче одеть, уже не в далеком походе, я по-новому посмотрел на него, вот уж в самом деле пренебрегает красотами. Слуги его отца, лорда Устинакса, одеты богаче, их одежда из чистого льна, а башмаки из хорошо выделанной кожи.

Он краем глаза посматривал на меня, без неприязни, скорее, как на будущего собутыльника. Дворецкий ударил жезлом в каменные плиты пола, сказал торжественно:

– Доблестный сэра Тудор, ваш отец поручил мне назвать имя вашего соседа, Ричарда де Амальфи, который здесь с изъявлениями дружбы. Он со своим другом сэром Зигфридом, доблестным рыцарем, в гостях...

Тудор развернулся и с распростертыми объятиями подошел ко мне.

– Позвольте обнять вас, сэра, – сказал он торжественно. – Говорят, сэра Галантлар в последние годы стал недостойным рыцарского звания, к тому же увлекся чернокнижниками. А по вас сразу видно: настоящий воин, настоящий рыцарь...

Мы обнялись, он отодвинул меня на расстояние руки, всмотрелся в мое лицо. Зигфриду кивнул тоже по-дружески, разговаривал лишь со мной, как один сюзерен с другим сюзереном.

– Ха-ха, что за кабана встретили за речкой! – сообщил он с веселым хохотом. – Не поверите, сэра Ричард, с сарай размером, а быстрый... куда там оленям!.. Альфакс, скажи, если бы я сдуру не попробовал с мечом, уже жрали бы кабанию печень!

Молодой рыцарь, с которому обратился за поддержкой, сказал с кривой усмешкой:

– Ну так и надо было с копьем.

– А я что говорю? Копьем бы добыл, это так же верно, как и то, что я – Тудор!..

– Но ведь вы, сир, – сказал Альфакс почтительно, – не взяли копье.

– Я ж говорю, понадеялся... Кто ж знал, что это такой кабан? Я думал, просто кабан, а это всем кабанам кабан! Ну просто черт знает что за кабан, просто и не кабан будто, а я даже не знаю, что такое!..

Он похлопал по плечу проходившего мимо с оленем на плечах невысокого воина:

– В следующий раз мы его завалим. Гастеринг!

Воин на миг остановился, взглянул снизу из-под туши.

– Вряд ли, сир, – ответил он хрипловатым голосом. – Такого не завалим.

– А вот завалим, – возразил Тудор с воодушевлением. Он повернулся ко мне, обнял за плечи, повел к дверям замка. – Видишь, сэра Ричард, что за народ?.. Во всем сомневаются, ни во что не верят!.. да мы этого кабана, как... да как зайца!.. А что? Любит ли сэра Ричард благородное искусство охоты?

Конечно нет, ответил я мысленно. Что за блажь гоняться за беззащитным зверем по лесам и полям, рвать штаны о сучья, когда домашние намного вкуснее, но посмотрел в раскрасневшееся лицо, полное задора и отваги, и ответил, конформист проклятый, как от меня и ждет общественность в лице Тудора:

– Да, конечно!. Что может быть лучше для мужчины?

Тудор довольно хрюкнул, а Зигфрид сбоку уточнил:

– Лучше только винные подвалы соседа. Конечно, в перерывах между охотой на оленя и охотой на кабанов.

Тудор захохотал, развернулся к своим, помахал рукой:

– Разделяйте, – распорядился он громовым голосом, – катите бочки вина в зал, готовьте пир!.. А мы с моим новым другом сэром Ричардом отправимся за этим проклятым кабаном и вырвем ему клыки!

Я мысленно ахнул, а Зигфрид сказал с сомнением:

– Сэр Тудор, вы только с охоты!

– Ну и что? – удивился Тудор. – Разве для мужчины охота – не лучший отдых?.. Эй, Чизелло, пусть подадут свежего коня, лучше – Черногривого, мы сейчас же возвращаемся, пока этот проклятый кабан не удалился в другие земли.

Я чувствовал отчаяние, не до охоты, Зигфрид старался не морщиться, поглядывал на меня осторожно, я поколебался, но дружбой с таким человеком пренебрегать не стоит, видно же, что нрав переменчив, это сейчас я лучший друг, а если откажусь, с такой же легкостью могу стать и самым лютым врагом, что оскорбил отказом и гнусно надругался для святыми чувствами охотника.

Из конюшни вывели моего коня. Оказывается, он и здесь сожрал ясли, потом начал чесаться о каменную стену и частично ее развалил.

– Да, – согласился я с беспокойством, – у него рог чешется. Наверное, кого-то наколоть пора.

Слуги побледнели и попятнулись.

Через полчаса мы вломились в лес. Я полагал, что оставим коней, а дальше пешком, но Тудор велел остановиться только слугам и ждать нашего возвращения.

Солнечный свет заливает просветы между деревьями, зелень чистая, изумрудная, здоровая, на той стороне поляны листья желтые и оранжевые, но тоже чистые, яркие, как из золота. Косые солнечные лучи широкими полосами падают на траву. Тудор придержал коня, я взглянул в ту сторону, куда он устремил жадный взор, внезапно переменившись в лице.

На той стороне поляны у тоненькой березки девушка в голубом костюме с луком в руке и огромным серым, почти седым, волком у ноги. Оранжевые волосы, как золото, крупными прядями ниспадают с обеих сторон лица, оставляя в тени, я рассмотрел юное и полное жизни девичье лицо, чистое и нежное, самую малость тронутое загаром, как могут загорать только блондинки. Брови вразлет, глаза синие, а губы полные и алые, на груди глубокий вырез, на цепочке крупный синий камень, округлый и блестящий, похожий на гигантскую слезу. От камня на коже голубой отсвет.

Из-за плеча строго смотрят оперенные стрелы, мне показалось, чересчур велики для такой хрупкой девушки. Впрочем, лук тоже великоват, в то же время руки не выглядят мускулистыми, толстыми. Правда, и чересчур хрупкими тоже не смотрятся, а кожаные перчатки на ней из толстой кожи.

Тудор смотрел и смотрел, боясь даже дышать, я тоже замер. После напряженного молчания над головой отвратительно громко затрещали сучья, по вершинам деревьев пронесся крупный зверь, похожий на раскормленную белку размером с леопарда, девушка в голубом напряглась всем телом, готовая исчезнуть в любой миг, но все еще оставалась на том же месте.

– Кто это? – спросил я шепотом.

– Если бы я знал, – ответил Тудор так же тихо, все еще почти не дыша, будто дуновением может спугнуть, развеять видение. – Говорят, местная богиня... но разве они остались после рождения сына Господа Нашего?.. Разве не стали все демонами?

– Плохие стали, – ответил я, – а хорошие... зачем им становиться демонами?

Он спросил жадно:

– Вы в самом деле так думаете, сэра Ричард?

– Конечно, – соврал я с наибольшей твердостью. – Мы хорошими или плохими считаем тех, кто плохо или хорошо относится к вере Господа нашего, но если человек всю жизнь прожил в лесу и ничего от рождения о ней не слышал?

Он почти всхлипнул, сказал тихо:

– Спасибо, сэра Ричард! Ни от кого я еще не слышал таких животворных слов.

Охотница легонько оттолкнулась от березки, деревцо закачалось, среди зелени мелькнуло голубое, золотые волосы слились с оранжевой листвой, охотница исчезла.

Тудор глубоко вздохнул, ладонь в булатной боевой перчатке поднялась, готовая смахнуть капли пота с чела, но застыла на полдороге. Он прислушался, сказал негромко:

– Кто-то ломится слева.

Его конь, повинуясь движению колена хозяина, послушно отступил вбок, Тудор прошептал:

– Это кабан... мой кабанчик!

Я прислушался, поспешно вытащил меч, хотя с мечом, понимаю, на кабана глупо, надо рогатину толщиной с весло, да к тому же с железным древком, деревянный кабан перекусит, как сухую соломинку.

Тудор вытащил длинный нож с узким лезвием, это умнее, но в другой руке все же меч. Еще я слышал, как он всхрапнул, как бык перед схваткой, прошептал что-то. Надеюсь, молитву.

Треск раздался громче, я смотрел непонимающе, затем холод прокатился по всему телу: трещат не кустики, трещат и вздрагивают вековые деревья. Топот все громче, внезапно раз-

дался могучий рев, он показался мне львиным, лев умеет так зарычать, пуская звук по земле, что рык становится мощным, как голос могучего дизеля, но тут я сообразил, что это просто-напросто кабан хрюкнул.

– Да что это за... – сказал я негромко и, всхлипнув, умолк.

В полусотне шагов зелень распахнулась, словно разорванная рукой великана кисея. На прогалине появилось нечто темное, похожее на зубра, разве что раза в два крупнее, массивнее.

Я застыл, не веря глазам: голова кабана занимает половину туловища, а весу, пожалуй, будет раза в три тяжелее. Чудовищные клыки размером с наши мечи, пасть похожа на адскую печь.

Напряженную тишину прорезал ликующий вопль Тудора:

– На этот раз не уйдет!

Я ахнул, вышколенный конь Тудора бездумно помчался в сторону кабана. Тудор орал и заносил руку для разящего удара.

Кабан с разбега мотнул массивной головой. Конь с Тудором взвились в воздух, словно подброшенные катапульты. На высоте верхушек дерева Тудор вылетел наконец из седла, я услышал треск ветвей, но уже не следил за ними: кабан хрюкнул так, что закачались деревья и вздрогнула земля, посмотрел на меня налитыми кровью глазами, наклонил голову.

– Да что же это такое... – пробормотал я в панике. – Такое просто не может быть!..

Кабан нагнул голову, земля затряслась. Хрустнуло и переломилось, как соломинка, деревцо на его пути, но кабан даже не вздрогнул. Пальцы сами по себе сорвали молот с пояса. Я вскрикнул, поспешно швырнул, держа глазами покатый лоб. Кабан несся, как бронетранспортер на полном ходу. Молот ударил со всей мощностью, раздался сухой треск, словно раздробилась гигантская глыба кварца. Молот понесся обратно, но я уже судорожно давил коня коленом в левый бок. Конь отпрыгнул, туша пронеслась мимо. По раскрытой ладони хлопнуло рукоятью молота, а за спиной раздался второй удар, от которого дрогнула земля.

Чудовище на полном ходу врезалось в стену исполинского дуба в пять обхватов, дуб затрясся, как одуванчик, но кабан упал на бок, ослепленный и оглушенный. Визг раздался такой силы, что у меня ослабели руки, и весь я покрылся потом. Конь вздрогнул и запрядал ушами. Я спрыгнул на землю, ноги подкосились, едва не упал, с мечом в руке бросился к зверю. Молот даже не проломил череп, но вмятина есть, судя по всему, кабан оглушен, я подбежал вплотную, лезвие меча с размаха рассекло кожу, но мышцы сопротивлялись, тугие, как не знаю что, не может плоть быть такой плотной, я выдернул лезвие, поспешно выбрал место на шее и воткнул лезвие, держа меч обеими руками.

Кабан завизжал, дернулся, все еще лежа на боку, раздвоенное копыто лягнуло меня с такой силой, что я полетел вверх тормашками.

– Чтoб ты подох, – закричал я в отчаянии, вскочил и, выставив меч, снова бросился к чудовищу, что уже перевернулось на брюхо и пыталось подняться на ноги. Кровь широкой струей плескала из длинного надреза.

За спиной слышался треск. Но я ни на что не обращал внимание, подбежал, снова всадил меч в рану. Кабан завизжал, дернулся, мои руки едва не вывернуло. Я упал, хватаясь за рукоять, кровь заливала меня с головы до ног, ступни оскальзывались в горячей крови.

– Держитесь, сэра Ричард!

Голос прогремел, как гром. Хромающий сэра Тудор появился из перемолотых, как под танковыми гусеницами, зарослей, меч в обеих руках, я услышал мощный рев, Тудор вонзил острие чуть выше того места, где прорезал я. Кабан завизжал еще громче, кровь брызнула тугим фантаном. Я оглох и ослеп, меня отшвырнуло, а секундой спустя спиной влетел в заросли сэра Тудор. Толстое дерево от удара затряслось, посыпались сухие ветки, сучья.

Кабан почему-то не нападал, хотя уже поднялся на все четыре. Я кое-как встал, кабан пошатывается, вот-вот рухнет. Кровь хлещет и хлещет, я по щиколотку в крови, красными

горячими лужами впитывается под корни деревьев, сзади рев, это сэра Тудор встал на четвереньки, потом сумел вздуть себя вертикально, сжал рукоять меча и бросился на кабана.

Ему удалось вонзить лезвие в горло, навалился всем телом. Кабан упал, Тудор тоже рухнул, так и лежали, я слышал только хриплое дыхание, затем затрещал кустарник, на поляну выметнулся запыхавшийся Гунтер на взмыленном коне.

– Ваша милость! – закричал он в испуге. – Сэр Ричард, вы ранены?

Я ответить не успел, Тудор заворочался и задыхающимся голосом прохрипел:

– Это... кровь... победы...

Гунтер спрыгнул, я вытер лезвие меча и сунул в ножны. Теплая кабанья кровь проникла во все щели, одежда липнет к телу, гадко и противно, я сделал довольное лицо и сказал учтиво:

– Сэр Тудор, поздравляю с победой!

– Сэр Ричард, – немедленно отозвался он, – этой победы без вас не было бы!

– Но вы нанесли последний удар, – возразил я.

– А вы – смертельный, – отпарировал он. – Ладно, не будем спорить, оба поразили чудовище. Такого, сэра Ричард, никто не помнит в наших лесах. Как оно нас, а?.. От моего коня остались только клочья кожи на сучьях дерева.

– Бог вас любит, – ответил я. – Вы же падали с такой высоты!..

Он отмахнулся.

– Я в доспехах. Хотя кровоподтеки будут с неделю. И нога что-то... Но какого кабана, а?.. Эй, как вас... Сэр Гунтер? Сэр Гунтер, вы уж там распорядитесь и моими людьми, поработайте пока мясником.

Гунтер отозвался почтительно:

– С превеликим удовольствием. Мне будет, что рассказать. Такого кабана еще никто не только не разделывал – даже не видывал.

Через час двенадцать человек разделывали под его руководством чудовищного кабана. Голову по настоянию Тудора отделили сразу же и с великим торжеством, продев через шест, понесли в замок. На самом деле не шест, понятно, а бревно с бедро взрослого человека толщиной. Несли двенадцать человек, да и те изнемогли, пока вынесли из чащи к дороге.

Уже на телеге привезли в замок. Голова заняла всю подводу, кони чуяли кровь страшного зверя, храпели и пытались понести, возчики едва удерживали их туго натянутыми вожжами. Тудор разрывался между страстным желанием собственноручно разделать чудовище полностью: порыться в его теплых внутренностях, подержать в жадных ладонях еще живое вздрагивающее сердце, вытащить печень и вцепиться в нее зубами, чтобы мощь убитого хищника перешла в его жилы, но и жаждал поскорее похвастаться великолепнейшим трофеем перед отцом, гостями и соседями.

Гунтер поглядел по сторонам, понизил голос и сказал с сильнейшей завистью:

– Везет же этой зверюке!

– Что все-таки прикончили?

– Я о сэре Тудоре, – пояснил Гунтер. – Куда кабану до него по живучести!.. Говорят, в самом деле перенимает силу зверей, печень которых жрет. А еще говорят, что он не совсем человек...

– Как это? – спросил я, но вспомнил о Гуголе, замолчал, а Гунтер пояснил:

– Да иногда бывает, что люди находят утром на пороге дома сверток с младенцем в очень непонятной одежке: то ли из травы, то ли из тонких звериных жил... Сэр Устинакс и леди Цигилла жили бездетными, у них дети все умирали во младенчестве, так что обрадовались, возблагодарили Бога, приняли и воспитали. Говорят, это работа Лесных, на самом деле дети сэра Устинакса и его жены не умирали, их забирали эти Лесные, а взамен подкидывают своих.

– И часто такое?

– В этих краях такое бывает, – ответил Гунтер, – к тому же иные так маскируются, что до конца жизни их не распознают.

– А зачем это Лесным?

– Это одному Господу ведомо, – ответил Гунтер благочестиво. – Но раз уж допускает, то какая-то цель в этом Божьем промысле есть.

Я задумался, пытаюсь представить, кто эти Лесные, почему и зачем такое странный обмен, мысли поползли с межвидового гибридинга до перекрестного опыления, но в это время громко пропели трубы, я очнулся и увидел трепещущие на башнях красные флажки, блеск на широких лезвиях копий, и опускающийся нам навстречу подъемный мост.

– Любить так любить, – громогласно провозгласил сэра Тудор, поднимая чашу с вином, – чтобы сердце стучало! Пить так пить, чтобы лежа качало!

Гости дружно взревели, кубки и чаши с радостным звоном столкнулись над столом, щедро орошая каплями жареное мясо. Я тоже совал кубок в общее месиво, надеясь, что прольется как можно больше.

Увы, вино можно не любить, но на таких пирах не пить нельзя. К тому же, как говорится, много пить вредно, а мало – скучно, потому здесь пьют так, будто готовятся к переходу через пустыню в образе каравана верблюдов.

На таких обильных пирах можно и не пить: походил, подышал, закусил, однако пить приходится, выплеснуть под стол или в кубок отвернувшемуся соседу удается редко, ведь я, как и сам Тудор – герои удачной охоты, от меня тоже ждут подробностей.

Я пил, ел, то есть закусывал, хотя вообще-то ел, и в промежутках между рассказами про охоту, все ломал голову, как подступиться к деликатному разговору о Лесных, о всяких странностях этого мира, ведь сказал же Гунтер, что Тудор недавно вернулся из Скрытых земель, а ведь, кроме него, что-то нет смельчаков, кто бы шастал туда-сюда. А рассказы, что некто побывал там и вернулся, богатый и счастливый, обычно оказываются обыкновенной брехней, вызванной примитивной тягой к необычному.

Тудор отрезал широкие ломти кабаньего мяса, челюсти работали, как жернова, я слышал хруст, треск, довольное сопение, глаза Тудора горели счастьем и удачью. Я жевал с трудом, мне бы годовалого поросенка, а еще лучше – молочного, но у мужчин должны быть мужские вкусы, тем более у тех, кто хочет заручиться поддержкой отважных соседей, и я жевал, с трудом проглатывал, отрезал новые ломти и с широкой приклеенной улыбкой, от которой уже болят мышцы лица, рассказывал о доблести отважного сэра, что аки лев бросился лоб в лоб на гигантского кабана.

Гости ревели от восторга, поднимали кубки и сдвигали над серединой стола, красное вино щедро плескало через края.

Солнце давно опустилось за края черного, как деготь леса, в зале зажгли факелы и светильники, воздух наполнился запахами горячей смолы и душистого масла.

Тудор кивнул слугам, один подбежал ко мне с узкогорлым медным кувшином, позеленевшим от старости. В таком мог бы сидеть джинн, запихнутый туда еще царем Соломоном.

– Сэр Ричард, – обратился ко мне через стол Тудор, лицо его светилось счастьем и радостью, он вскинул наполненный до краев кубок, – не хотите ли отведать самого старого нашего вина?

Не хочу, ответил я внутри себя, улыбнулся широко и протянул кубок, чтобы мне наполнили.

– Единственный раз, когда я ответил, что не буду пить, был тогда, когда я не понял вопроса!

Тудор захохотал так, что расплескал вино, а гости вокруг ржали и смотрели на меня как на человека, с которым можно и в разведку, и на турнир, и по бабам.

Глава 10

Лишь на рассвете я с превеликим трудом сумел отказаться от требования немедленно продолжить пир, выбрался кое-как во двор. Легко в веселье, тяжело в похмелье, но я, если честно, и в том веселье чувствовал себя, как на экзамене, что, однако, от противного похмелья не избавило.

Вчера я заканчивал пир в дым пьяным, сегодня голова трещит, как лед на морозе. Выговора однако нет, с работы не выгнали, а, впрочем, кто меня теперь выгонит? Даже не знаю, с одной стороны, хорошо быть феодалом, с другой – освиною без дисциплины. Я, как и всякий человек, привык, чтобы меня кто-то дрючил сверху, самодисциплина не для интеллигентного человека...

Моя дружина, что пиновала с людьми Тудора в нижнем зале, выползает во двор едва живая. Пошатываясь, я направился к конюшне, меня догнал Зигфрид.

– Кто пьянствовал с моей рожей и помял ее? – спросил жизнерадостно. – Сэр Ричард, неужели уезжаем?

– Только похмелье заставляет задуматься о смысле жизни, – ответил я. – Не так ли?

Он подумал, подвигал бровями, но, видимо, до смысла жизни еще доставало двух-трех цистерн вина, спросил с беспокойством:

– Сэр Тудор не обидится?

– Я скоро лопну, – огрызнулся я. – Паладин я или не паладин? У меня, понимаешь, ограничения. Обет, значит. Я так и сказал Тудору.

– А он поверил?

– Он сам со странностями.

Подбежал конюх, я дал ценные указания насчет своего коня, чтоб его вывели и оседлали, Зигфрид с сомнением посмотрел вслед конюху.

– Я слышал, что есть кони, – сообщил он, – что жрут мясо. Особенно – человечину. А Тудор поверит, он всему верит...

Я нахмурился, спросил резче:

– Сэр Зигфрид, вы на что намекаете? Что я врал?

Зигфрид запротестовал:

– Что вы, сэр Ричард!.. Я просто говорю, что Тудор – хороший человек. И настолько силен, как воин, что может позволить себе такую роскошь, как самому не врать, и другим верить. Вы Гунтеру какие-то указания дали?

– Только выбраться живыми.

– Выберутся, – заверил Зигфрид. – Они того кабана перепьют, которого добыли. Ну и чудовище, скажу вам... Не будь Тудор неуязвимым, от него бы одни косточки!..

Я вспомнил на какую высоту кабан подбросил Тудора, а после падения он всего лишь жаловался на пару ушибов.

– А он правду неуязвим?

– Говорят. Это семейное наследие рода Тудоров. Потому их замок за все века не смогли завоевать, хотя здесь проходили всякие армии.

– А если отрезать от подвоза продовольствия?

– Говорят, – ответил Зигфрид уже чуточку неуверенно, – что если прижмет, Тудоры могут жрать даже землю. Как если бы нам пришлось грызть немолотое зерно... Во всяком случае, все замки захватывали, а их – никогда.

Я пробормотал:

– Тогда я поздравлю себя с большой дипломатической победой.

– Сэр Ричард?

– Я помню, что перед тем, как свалиться под стол, мы клялись друг другу в вечной дружбе и сотрудничестве. Да, вроде бы сотрудничестве. Теперь понять бы, как Тудор это понял...

Конюх наконец вывел моего черного красавца, уже оседланного, конь шел спокойно, ничем не отличаясь от заурядного коня. Зигфрид исчез в донжоне. Вернулся с Тудором, тот к моему облегчению не обиделся, что отбываю, к тому времени он раскраснелся от выпитого вина и бахвальства, обнял меня на прощание, взял клятву, что еще загляну, у него в дальнем лесу живет странный земляной дракон: огромный, как сарай, выскакивает из-под земли всегда так, что зайкой может сделать даже каменного великана...

Я поклялся, что еще приеду, поохотимся, сдерем шкуру с дракона, и мы галопом пролетели по опущенному мосту. Лучники, похоже, пьянствовали тоже всю ночь, Зигфрид и Гунтер держатся лучше, сказывается опыт, но их тоже сейчас забудет любой встречный заяц, так что мы мчались галопом прямо к замку Амальфи.

Правда, не удалось миновать Больших Таганцов, где я повесил этого злосчастного Генриха Гунландского, мы замедлили скачку уже на середине улицы, я огляделся, велел созвать народ и приказал властным голосом урожденного феодала голубых кровей:

– Вон там на околице башня... ладно, остатки башни. Камней раскатилось столько, что на малую крепость хватит. Теперь вижу, почему у вас коровники да свинарники из тесаного гранита!.. Нет, пока не велю их ломать, но если не восстановите башню в самые короткие сроки, то не только коровники, но и дома пойдут на слом.

Они молчали, покорные и напуганные, я ощутил злость, это не то вольное село, где за нашим приближением наблюдали со взведенными арбалетами, те любому дадут сдачи, выдвинул по-ланселотьи нижнюю челюсть и сказал громче:

– Я не могу жить в вашем селе, чтобы защитить вас! И не могу прилетать на крыльях, едва сюда придут чужие с оружием. Так что вы должны уметь защищать себя. Хотя бы некоторое время. Как только восстановите башню, пришлю лучников. Они будут кормиться у вас. Кроме того, обучим ваших мужчин владеть составными луками.

Гунтер подсказал:

– Да и вообще кто чем.

– Да и вообще, – повторил я, – кто чем может. Защищайтесь!.. Я снимаю с вас вину за убийство рыцаря или любого, кто вторгнется в ваши владения ради грабежа. Вернее, отвечаю я. Так и скажите городу и миру.

Мы пришпорили коней и погнали в сторону замка. Я старался не слишком вырываться вперед, прислушивался к уже привычному стуку множества копыт. По рангу я не могу брать с собой меньше, чем десяток всадников: дело даже не в безопасности, а в умалении престижа. Хотя мне-то понятно, что вооруженный эскорт берут именно для безопасности, но чтобы не заподозрили в трусости, правило эскортирования здесь, как и везде, введено в законы этикета.

Когда миновали гору и показался мой замок, солнце поднялось уже высоко, каменные стены постепенно теряют золото и превращаются в серые громады. Мой конь трижды останавливался почесать морду о деревья, а когда миновали мост, подбежал, не слушая удил, и стал тереться головой об угол каменной башни.

Я посмотрел на небо, подумал, что вернулись почти к обеду, а могли бы и раньше, вот такие у меня просторы, как в средневековых германских королевствах, где нельзя было стрелять даже из самых крохотных пушчонок: ядро обязательно упадет на земле соседа.

Челядь разобрала коней, пара стрелков принялась перетаскивать на кухню дичь и широкие ломти, нарезанные из туши удивительного кабана. Во дворе поспешно разожгли костер, это значит, что будут весь день, а потом и ночь жарить мясо и пьянствовать, одни начнут рассказывать о наших подвигах, другие растопырят уши, и даже если все будут говорить, какой вот я удалой рыцарь, то этим словно бы хвалят и себя. Здесь слово «верность» не пустой звук, а прославляя меня, прославляют и себя, так как неотделимы, они – мои.

Я поднялся наверх, помыл руки, ополоснул лицо. Снизу раздались крики, одни встревоженные, другие ликующие. На всякий случай подхватив перевязь с мечом, я бросился во двор.

Люди прижимались к стенам, а посреди двора стоял, широко расставив ноги, мой конь. Он хрипел, дико вращая багровыми глазами, мотал головой. Черная пышная грива взлетала роскошными волнами.

Все ахнули, что-то черное оторвалось и взлетело в воздух, а потом, описав дугу, ударилось в вымощенный камнем двор с такой силой, что высекло искры. Я рассмотрел черный рог, перевел изумленный взгляд на коня.

– Что с тобой... Неужели?

Из барака выскочил Гунтер, обошел коня по дуге. За ним спешили Ульман и Тюрингем, уже снявшие доспехи, но с мечами в руках.

– Ваша милость, – ахнул Гунтер. – Он... он что, как все рогатые?

Я ответил все еще не придя в себя от великого изумления:

– Да, как олень или лось... Но как же тогда...

Появился Зигфрид, огляделся, сразу все понял и метнулся к рогу. На лице Гунтера вспыхнуло острое сожаление. За моей спиной кто-то горячо зашептал, объясняя соседу, что если какой охотник в лесу или в горах отыскивает вот такой рог, то может стать богачом. Колдуны и маги охотятся за сброшенными рогами единорогов, надеясь отыскать в них волшебную силу, надеть амулетов и талисманов!

Я с осторожностью подошел к коню, он фыркнул и потянулся по мне теплыми мягкими губами. На середине широкого лба пламенеет свежая ссадина, капли крови собрались в крупные бусины, некоторые ползут, оставляя алые следы, в сторону ноздрей.

– Я тебя люблю, – прошептал я. – Ничего, еще отрастет... А пока потерпи, не расчесывай.

Расталкивая народ, протиснулся человек, которого я ожидал увидеть меньше всего: маг Рихтер, нелепый в теплом стеганом халате и широкополой шляпе с высоким верхом, сказал мне еще издали:

– Ваша милость!.. Ваша милость!

– Ого, – сказал я, – как это ты так... сразу?

Он чуточку смутился, бросил вороватый взгляд на моих соседей.

– Иногда удается... Ваша милость, нельзя ли рог... для магических нужд?

Я развел руками:

– Рог подобрал Зигфрид, торгуйся с ним. Правда, рог все-таки мой... в смысле, с моего коня, а не то, чему лыбишься, потому думаю, что сумеешь получить, если предложить доблестному рыцарю пару кувшинов очень хорошего вина. Повторяю, очень хорошего!

Он торопливо кивнул:

– Да-да, у меня совершенно случайно на древних пергаментях есть пара рецептов, которые я все еще не соскоблил... Благодарю вас, ваша милость!

– Как думаешь, – спросил я вдогонку, – рог скоро отрастет?

Он оглянулся, задумался, словно из ниоткуда в руках появилась толстая, как сундук, книга, я сразу ее не заметил, а Рихтер уже то пролистывал старые выцветшие страницы, то захватывал горстью и перебрасывал целые главы и разделы.

– Не уверен, – пробормотал он, – ваша милость... Если б в его родных лесах, тогда отрос бы, а вот здесь...

Я кивнул.

– Понятно, эндемичный вид. Как вон женьшень растет в Уссурийской тайге – женьшень, а в других местах это простые корешки. Или пантокрин только на Дальнем Востоке... Честно говоря, даже не знаю, хорошо это или плохо.

Маг посмотрел исподлобья с немалым удивлением:

– Как? Вы согласны, чтобы единорог лишился рога?

– А что, – спросил я в свою очередь, – превратится в простого коня?

– Нет, – пробормотал Рихтер, – но... так все издали видят, что едет герой, благородный и неустрашимый рыцарь. Если уж сумел подчинить себе единорога, то, понятно, герой! А без рога это же простой конь... с виду.

Я отмахнулся:

– Это меня не волнует. Я – сама скромность. Да и когда рог растет, он жутко чешется, верно?.. А чесать нельзя – сперва и очень долго это всего лишь мягкий отросток, наполненный кровью... Любое прикосновение – и олень с ума сходит от боли! Нет, пусть уж без рога. Если очень понадобится – съездим в тот эндемичный лес, поедим местной травой...

Зигфрид сказал, прижимая к груди рог:

– Да и, гм, репутация девственника...

Я нахмурился, сказал Рихтеру сварливо:

– Сэр Зигфрид прав. Какому мужчине нравится, когда принимают за девственника?

Коня повели в стойло, появился отец Ульфилла, победно воздел крест и завопил истошным голосом прирожденного оратора:

– Это я окропил его святой водой!.. И это исчадие дьявола превратилось в простого коня!.. А так пришлось бы сжечь на огне, как надлежит со всеми, что пользуется благоволением Врага рода человеческого...

Он выразительно посмотрел на мои ноги, словно надеялся увидеть раздвоенные копыта сквозь сапоги прекрасной выделки. Я нахмурился, сказал громко:

– Все-все, цирк закончен, хоть главный клоун как раз появился!.. Всем по местам, дважды повторять не буду.

Народ благоразумно рассеялся, никакой лорд не потерпит, чтобы столько челяди болталось во дворе без работы. Конюхи с конем скрылись, отец Ульфилла ожег меня злым взглядом, повернулся и степенно удалился в церковь. Рихтер поклонился и тоже начал пятиться, я остановил его вельможным жестом.

– погоди. Что насчет заградительной полосы заклятий в подземелье? Установил?.. Мне надо, чтобы всех нарушителей границы в ключья без всяких там прав человека.

Он побледнел и переспросил блеющим голосом:

– В ключья?

– Можно в туман, – сказал я небрежно. – Или в лепестки розы, если ты буддист... в душе. Я прагматик, как все олигархи. Мне важно, чтобы граница на замке, а враги исчезли. А как – неважно. Я не такой уж и общечеловек в душе, как с виду.

Он огляделся по сторонам, но никто не придет на помощь, лицо стало несчастным. Уже пожалел, что выскочил, польстившись на приманку, промямлил:

– Я вообще-то сделал все, чтобы снизу никто не проник... Все нужные заклятия, все нерушимые и уникальные... Увы, увы...

– Что случилось?

– Ваша милость, не гневайтесь...

– Давай, рассказывай.

– Мои заклятия нерушимы для любых смертных и даже для магов. Однако, простите, против священников мы почти бессильны. Отец Ульфилла тоже спускался в подземелья...

Я ощутил неладное, спросил резко:

– Что он там делал?

– Он... все порушил.

– Что?

– Все мои заклятия, – ответил Рихтер опечаленно, – потеряли силу.

Я раздраженно огляделся. Во дворе по-прежнему пусто, только Гунтер вывел на дальний край лучников, устанавливают мишени. Гунтер поглядывал в мою сторону, и едва я сделал

ему знак приблизиться, прибежал тяжелой рысью, придерживая подпрыгивающий на поясе короткий меч.

– Да, ваша милость!

– Пошли кого-нибудь за отцом Ульфиллой, – сказал я. – Но только пусть пригласят, а не тащат за шиворот, как вы привыкли обращаться с духовными лицами. И не надо святого отца колоть сзади пикой, чтобы бежал быстрее, хотя, признаю, это потешно. Эх, вам бы еще банановые корки... Или тортами пошвыряться...

Гунтер сказал бодро:

– Я сам приведу. Он здесь, в церкви.

Я обернулся к Рихтеру:

– Но после того, как отец Ульфилла изломал твои магические ловушки и заборы... он что-то делал?

Рихтер пренебрежительно поморщился.

– Что может этот тупой и грубый человек?.. Бормотал, брызгал водицей, снова бормотал. Я не жду от него толку. Дело священников – спасти души, а обезопасить тела – лучше умеют маги.

Отца Ульфиллу если и разыскивали недолго, то явно будили не слишком деликатно. Когда он явился в сопровождении Гунтера, вид у него был усталым, лицо помятое, будто только что собрался соснуть, а ему не дали.

– Патер, – сказал я со всей почтительностью, – но некоторым агентурным данным, хоть и непроверенным, можно ожидать повторения атаки нечисти. Вы какие-то меры приняли?

Он кивнул, глаза с неприязнью окинули меня с головы до ног. Понятно, если бы я зарос, не стриг волосы и ногти, не мылся бы хотя бы пару лет, как делают христианские подвижники, то показался бы ему куда угоднее и благочестивее.

– Да, – ответил он коротко, не в силах назвать меня «сын мой», – я со всей несокрушимой верой в сердце обошел все выходы из подземелья, обошел двор и вообще везде окропил святой водой, прочел молитвы, окурил святым ладаном и велел дворне возжечь свечи и обратить свои сердца к Господу. Это тройная защита, сэра Ричард. Никакая нечистая сила не проломит!

Гунтер вздохнул с великим облегчением, верит священнику безоговорочно, а вера, как известно, двигает горами. Вон как Магомет двигал ими туды-сюды, туды-сюды.

– Лады, – ответил я после паузы, – будем считать вас, патер, ответственным за оборону супротив нечисти.

Он посмотрел на меня исподлобья.

– На все воля Господа, но ни один пособник Сатаны не должен проникнуть через входы, запечатанные именем святого Михаила и архангела Гавриила!..

Я подумал, что между «не проникнет» и «не должен проникнуть» щель шириной с Дарданеллы, но смолчал, обернулся к Гунтеру.

– Вели подать рассолу... да побольше-побольше. День только начинается, а у меня в голове такое...

– Да, – подакнул Гунтер, – Бог дал день, а дьявол – работу. Но, может быть...

Он замялся, я спросил:

– Что?

– Не лучше ли вина? – спросил он. – Как обычно?

– Если похмелье не лечить, – пояснил я, – оно проходит за один день. Если лечить – за десять...

Он исчез, я посмотрел вслед с мыслью, что потому и клянем дьявола, что работать не любим. В райском саду жили на халяву, там даже штаны были не обязательны.

Глава 11

В покоях я с наслаждением содрал с плеч доспехи, все железо с металлическим грохотом обрушилось на пол. Одно из преимуществ рыцарства, что оруженосец либо сам подберет все и приведет в порядок, либо проследит, чтобы это сделали слуги. Во всяком случае я не забочусь насчет доспехов: стоит возжелать их одеть или даже надеть – сразу оказываются предо мной вычищенные, надраенные, ремни смазаны маслом, а потертые заменены новыми.

В комнате, которую приспособил под кабинет, я стащил сапоги, швырнул в огобеленную стену. Голые ступни тонут по щиколотку в мягкой шкуре с длинным мехом, из окна льется золотистый свет, из-за него вся комната выглядит погруженной в полумрак.

На отдельном столике лежит, свесив крылья до полу, дивная птица, зовома хробойлом. Голову тоже свесила, я потрогал пальцем, качнулась, как маятник. Мертвая, как я слышал, должна вроде бы застывать. А эта либо не мертвая, либо... резиновая.

– Ничего, – проговорил я, – и до тебя доберемся. Вот только-только разгребусь...

Блеснул плазменный свет, комната вспыхнула таким ярким огнем, что даже солнечный луч исчез, растворившись в море огня. Я зажмурился от неожиданности, но и через опущенные веки узнал призрачную фигуру.

Тертуллиан заговорил первым:

– Не удивляйся, Ричард, я... правда, сам удивляюсь, так что и ты можешь... Знаю, вы зрели разрушенную часовню, что уже травой проросла. Мой совет: восстанови ее.

Я отмахнулся:

– Тертуллиан, я уважаю твои религиозные взгляды, но...

– Что не так?

– У меня несколько иной подход. Каждый человек волен общаться с Богом без посредников...

Он вскинул огненную ладонь, за рукой остался ряд призрачных силуэтов.

– погоди. Я не об этом. Знаю, в твоём мире святость – пустой звук. Но здесь ты мог бы заметить, что святые обладают некой мощью. И если восстановишь часовню, там на десятки шагов будет свободно от нечисти!

Я всмотрелся в его пылающий облик, похожий на миниатюрную звезду на краю галактики.

– Так ли?

– Ну, крупный враг пройдет, – ответил он с неохотой, – однако чаще приходится драться с мелочью не так ли? Я думаю, комары тебе докучают больше, чем волки!

Я подумал, развел руками:

– Сдаюсь. Ты прав. Завтра же пошлю каменщиков. Тем более мне это почти ничего не стоит.

Он поблагодарил кивком, свет начал тускнеть, из гаснущего облака донеслось:

– Спасибо, Ричард. Ты увидишь, что это нужно больше тебе, чем мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.